

Алина Горделли

**Молчание
«Карпатии»**

12+

Алина Горделли

Молчание «Карпатии»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67772123

SelfPub; 2023

Аннотация

После самоотверженной ночной гонки по усеянному айсбергами атлантическому океану пароход «Карпатия» прибывает на место трагедии «Титаника» и подбирает 712 замерзающих пассажиров гигантского лайнера с полузатопленных шлюпок. Но не обернется ли блестящая операция по спасению жертв кораблекрушения трагедией для самой «Карпатии», неожиданно оказавшейся в эпицентре действия могущественных сил?

Алина Горделли

Молчание "Карпатии"

Глава 1. Неизвестный корабль

К «Карпатии», уворачиваясь от волн и мелких льдин, отчаянно гребла последняя шлюпка из шестнадцати, – все что осталось от гигантского корабля. Тринадцать шлюпок, столько, сколько можно было поместить на грузовых палубах, уже были подняты на борт трансатлантического пассажирского парохода. Окаменевших от горя пассажиров и членов команды «Титаника» распределяли по каютам, столовым, палубам. Им оказывали медицинскую помощь, отогревали, отпаивали горячим бульоном, кофе, чаем, вперемешку с бренди.

Первыми, в 4 часа 10 минут утра, на борт подняли пассажиров шлюпки, управляемой четвертым помощником капитана «Титаника» Джозефом Боксэлом. От него стало известно, что из двадцати имевшихся на «Титанике» шлюпок успели спустить шестнадцать и три из четырех «Энгельгадовских» плотов, но их разнесло течением в кромешной темноте безлунной ночи, и Боксэл понятия не имел, где их искать. В шлюпке Боксэла, по счастливой случайности, оказались зеленые сигнальные огни, которые и заметили с «Карпатии». В других шлюпках сигнальных огней, судя по всему, не было. Дрожавшего всем телом молодого Боксэла привели к капитану «Карпатии» Артуру Генри Рострону на мостик

для официального доклада. Там он и подтвердил, что «Титаник» затонул полтора часа назад.

– Сколько человек оставалось на «Титанике», когда он затонул?

– Сотни, сэр, может быть тысяча, или две тысячи! Он был обречен с самого начала, сэр! – и тут парень разрыдался, его трясло.

– Ну-ну, сынок, – Рострон знаком показал, чтобы на плечи Боксэла набросили теплое одеяло. – Постарайся больше об этом не думать, спускайся в каюту для офицеров, отдохни и хорошо согрейся. У нас все для этого есть.

Действительно, за те три с половиной часа, что понадобились «Карпатии», чтобы добраться до координат, указанных «Титаником», по распоряжению капитана, пассажирский пароход превратили в настоящий спасательный корабль. Всего капитан Рострон отдал около тридцати распоряжений, от подготовки горячих напитков и постелей, до спуска сеток по бортам «Карпатии», на тот случай, если понадобится подбирать людей на плаву; были приготовлены холщовые мешки для детей, качели для раненых и слабых. По бортам были развешаны лампы, чтобы корабль было хорошо видно, подготовлены «Кьюнардские» голубые предупредительные ракеты, шлюпки полуспущены, готовые грести к «Титанику», чтобы перевозить пассажиров и команду. В кают-компаниях и столовых организовали госпитали, нашли место для багажа и почты. Собственных пассажиров «Карпатии» было велено

не будить, все работы производить, по возможности, тихо, а в коридорах выставить стюардов, чтобы успокаивать тех из пассажиров, кто высунется из каюты, узнать в чем дело.

Было отдано указание отключить электричество и отопление и направить всю энергию на котел. Главный инженер Джонстон получил приказ разогнать «Карпатию» до 17.5 узлов вместо максимальной скорости в 14 узлов. Разбуженных кочегаров и инженеров напоили кофе и попросили работать в три смены. Клапаны двигателя закрыли, и «Карпатия» понеслась на север, «как в аду», по словам одного из кочегаров. Котел дрожал и вибрировал, показатель давления зашкаливало, и Джонстон надел на него свою фуражку, чтобы не видеть. По его распоряжению, котел обильно смазали машинным маслом, чтобы уменьшить вибрацию.

Офицерскому составу и команде было объявлено о причинах аврала с призывом, чтобы все вели себя «как настоящие англичане». Воодушевление было необыкновенным. Что-что, а воодушевлять 42-летний капитан Артур Рострон умел! В компании «Кьюнард», которой принадлежала «Карпатия», ему дали прозвище «Электрическая искра».

Когда приблизились к ледяному полю, капитан Рострон усилил команду впередсмотрящих, выставив офицеров на носу, на бортах и даже на корме, всего восемь человек, вместо полагавшихся двоих. В отличие от «Титаника», на «Карпатии» не было носового прожектора, ночь была безлунной, и капитан объяснил офицерам, что в безлунную, но звезд-

ную ночь айсберги необходимо отслеживать по верхушкам, отражающим звездные блики, а не по основаниям.

Сам капитан встал рядом с рулевым, совсем еще мальчиком, Джеймсом Фицпатриком. Когда со всех сторон стали раздаваться возгласы «берг по правому борту», «берг по левому борту» и «берг прямо по курсу», он заметил, что у Фицпатрика по виску потекли капельки пота. Тогда Рострон со словами «дай-ка и мне порулить, сынок», сам встал за штурвал. «Карпатия» обходила айсберги зигзагами, не снижая скорости.

А сейчас капитан Артур Рострон уже минут двадцать с напряжением следил в бинокль за оставшейся шлюпкой. Было восемь с половиной часов утра. За последние восемь часов Рострон не отлучался с мостика ни на минуту. И неизвестно, что потребовало большего напряжения и мастерства: сумасшедшая ночная гонка, или филигранное маневрирование между айсбергами самой разной величины и шлюпками, которые океанское течение за полтора часа дрейфа разнесло по акватории в пять миль. Один из офицеров насчитал вокруг «Карпатии» двадцать пять двестифутовых и около сорока айсбергов поменьше.

Один неверный маневр – и можно напороться на айсберг, или затопить хрупкую шлюпку бортовой волной. Для шлюпок было безопаснее самим грести к «Карпатии», но Рострон понимал, что полузамерзшие, уставшие гребцы были мало на что способны. В некоторых шлюпках не было матросов, и

за веслами сидели пассажиры, в том числе и женщины. Поэтому он делал все возможное, чтобы осторожно подойти к каждой шлюпке поближе, демонстрируя чудеса корабельной эквилибристики. «Карпатии» удалось покрыть 58 миль, отделявших ее от «Титаника», за три с половиной часа, а чтобы собрать пассажиров пятнадцати шлюпок с акватории в пять миль, понадобилось целых четыре!

И вот осталась одна перегруженная полузатопленная шлюпка, люди в ней сидели по колено в ледяной воде и еле-еле сохраняли равновесие. К тому же, после полного штиля, поднялся ветер, и на шлюпку пошли волны. Но им повезло: шлюпкой командовал, по-видимому, очень опытный моряк.

– Прямо по курсу берг, сэр!

Это был самый глазастый из его команды второй помощник Джеймс Биссет.

Рострон повернулся в указанном направлении.

– Пять градусов лево руля, тихий ход!

– Есть пять градусов лево руля, тихий ход!

«Карпатия» осторожно обошла айсберг слева.

– Десять градусов право руля, стоп машина!

– Есть десять градусов право руля, стоп машина!

«Карпатия» развернулась и заслонила шлюпку от волн и от айсберга своим корпусом. Биссет с восхищением посмотрел на капитана, но тот уже снова повернулся к шлюпке.

– Догадается или нет? – пробормотал Рострон.

Несколько крупных взмахов веслами, и шлюпка оказалась

под защитой корпуса «Карпатии».

У Рострона вырвался одобрителный возглас:

– Какой молодец! – и тут же:

– Мистер Дин, помогите шлюпке причалить с помощью багров, подготовьтесь принять пассажиров. Шлюпку придется бросить, у нас для нее больше места нет. Офицера, управлявшего шлюпкой, – ко мне на мостик.

– Айэ-айэ, сэр! – первый помощник капитана Хоррэс Дин отправился выполнять приказ.

– Мистер Биссет и мистер Риис, продолжайте осматривать акваторию. Боксэл мог ошибиться по поводу количества шлюпок. Отслеживайте спасательные жилеты в воде, хотя вряд ли кто мог остаться в живых на плаву в ледяном океане, температура воды чуть выше точки замерзания.

Третий помощник капитана Эрик Риис продолжил исследование акватории.

– Сэр, – обратился к капитану Джеймс Биссет. – Несколько раз приходили от доктора МакГи с просьбой срочно к нему спуститься, но я не стал вас беспокоить во время маневрирования, как и было велено. – Биссет еле заметно улыбнулся. На самом деле было сказано: «Если кто-то попадетс мне под руку, разорву на части!».

– По какому поводу? Кто-нибудь серьезно заболел, ранен?

Кроме врача, никто не имеет право вызывать к себе капитана корабля. Ирландец Фрэнк МакГи был главным корабельным врачом «Карпатии». Во время марш-броска «Кар-

патии» к «Титанику» Рострон определил его заняться пассажирами первого класса. Итальянскому доктору Витторио Ризикато было поручено организовать госпиталь во втором, а венгру Арпаду Лендьелу – в третьем классе. Однако, из всех врачей только Лендьел имел опыт оказания неотложной помощи. Поэтому капитан Рострон попросил его осматривать пассажиров «Титаника» прямо на палубе, прежде, чем направлять в соответствующий госпиталь. Рядом с ним должен был находиться старший стюард, чтобы составить точный список взятых на борт людей.

– Что-то по поводу мистера Исмея, сэр!

Рострон вздохнул с досадой. Не хватало еще возиться с Исмеем, и так забот невпроворот.

Джозеф Брюс Исмей – исполнительный директор компании «Белая звезда» и фактический владелец «Титаника». Его обнаружили в шляпке, управляемой пятым помощником капитана «Титаника» Гарольдом Лоу, в полном транс. Это была единственная шляпка, вернувшаяся подобрать барахтавшихся в ледяной воде людей, и поговаривали, что Исмей попытался этого не допустить. Поднявшись на борт «Карпатии», Исмей, высокий, представительный господин среднего возраста, все бормотал: «Я – Исмей, я – Исмей» и просил его куда-нибудь спрятать. Рострон, переговорив с МакГи, распорядился забрать Исмея в каюту доктора под постоянное наблюдение. Еще не хватало, чтобы на его корабле помутился рассудком владелец конкурирующей компании!

Вскоре среди спасенных распространился слух, что Брюс Исмей на борту «Карпатии», в то время, как большинство мужчин остались на тонущем корабле. Несколько человек засвидетельствовало, что Исмей отдал приказ капитану «Титаника» Эдварду Смиту увеличить скорость до максимальной, чтобы побить трансатлантический рекорд скорости, принадлежащий флагману конкурирующего «Кьюнарда» красавице «Мавритании». По иронии судьбы, именно Кьюнардовская «Карпатия» оказалась единственным кораблем, самоотверженно поспешившим на помощь «Титанику». Было замечено, что Маргарет Браун, «золотая» миллионерша, храбрая и решительная дама, сразу же взявшаяся за весла в своей шлюпке, объявила достаточно громко, что в ее родном штате Колорадо, таких, как Брюс Исмей, вешают на первом попавшемся дереве. Ситуация оставалась сложной, и Рострон подумал, что надо бы найти время посетить каюту доктора МакГи с непростым пациентом.

Его размышления прервал удивленный возглас первого помощника Хоррэса Дина.

– Лайт, а ты что здесь делаешь?!

– Купаюсь! – прозвучал хриплый голос, и через борт по канатной лестнице перелезла коренастая фигура его владельца. Несмотря на то, что на нем не было формы, а лишь старый свитер, по его поведению и жестикуляции было ясно, что это – старший офицер. Как и полагается, он оставался в своей шлюпке до тех пор, пока всех пассажиров не подняли

на борт «Карпатии».

Поднявшись на мостик, он подошел к капитану Рострону и отдал честь под козырек, несмотря на его отсутствие.

– Второй помощник капитана королевского почтового парохода «Титаник» Чарльз Герберт Лайтоллер, сэр!

– Капитан «Карпатии» Артур Генри Рострон, – Рострон так же официально приветствовал Лайтоллера и протянул ему руку.

Они обменялись рукопожатием: коренастый, несколько медлительный и круглолицый Лайтоллер, или Лайт, как его звали друзья, и худощавый, гибкий, быстрый в движениях Рострон. Но было у них нечто общее, а именно, уверенность в себе, прямота, основательность. Оба сразу же понравились друг другу.

– Мой приятель, сэр! – включился Дин. – Я – крестный отец сына Лайта. Понятия не имел, что его перевели на «Титаник».

– Буквально за три недели до отплытия, – подтвердил Лайтоллер.

– Мистер Лайтоллер, сколько шлюпок было спущено с «Титаника»?

– Шестнадцать, сэр, и все четыре «Энгельгардовских» плота, но один из них перевернулся при спуске. Когда мостик ушел под воду, меня чудом вынесло из воронки вместе с воздушным пузырем. Мне удалось забраться на перевернутый плот и потом помочь нескольким людям, бывшим на

плаву, на него вскарабкаться. Мы простояли на перевернутой посудине около часа. У меня был командирский свисток, и его слышали на двух других шлюпках. Они подчалили, и мне удалось перераспределить людей по этим шлюпкам. Со мной был младший оператор Маркони Брайд, сэр, боюсь, что у него отморожены ступни ног.

– Мистера Брайда уже осматривает доктор Лендъел, сэр, – добавил Дин.

– Хорошо.

И вновь повернувшись к Лайтоллеру, после небольшой паузы.

– Капитан Смит?

– Погиб, сэр, – хрипло ответил Лайтоллер. – Оставался на мостике до самого конца. И старпом Уайлд, и первый помощник Уильям Мердок. И главный конструктор Томас Эндрюс. Он посчитал, что повинен в крушении корабля. Погибли почти все машинные операторы, инженеры и кочегары. Они оставались на посту в машинном отделении до самого конца, чтобы корабль продержался на плаву подольше, и мы бы успели спустить шлюпки, – голос Лайтоллера дрогнул.

Рострон снял фуражку, остальные последовали его примеру. В глазах капитана стояли слезы, и он их не скрывал. Минуты две все молчали.

– Сэр, в нашей шлюпке четыре умерших матроса. Мы подобрали их еще живыми, но они замерзли.

– Мы уже перенесли тела в холодильную установку. Пас-

сажиры ничего не заметили, сэр, – сказал Дин.

– Спасибо, мистер Дин.

Рострон тяжело вздохнул.

– Если бы мы оказались хоть на двадцать миль ближе...

– Вы сделали невозможное, сэр! Капитан Смит, узнав ваши координаты, подсчитал, что, с максимальной скоростью в 14 узлов, «Карпатия» сможет прибыть к нам на помощь только через пять с половиной часов, да еще скорость придется снизить, когда пойдут берги. Только мы с Брайдом знали, что «Карпатия» спешит нам на помощь. Мы передавали весть о вашем скором прибытии от лодки к лодке, насколько было возможно, чтобы поддержать людей. Вы бы видели, какое началось ликование, когда вы стали выстреливать «Кьюнардовские» голубые ракеты, появилась надежда на спасение. Как вам удалось приплыть за три с половиной часа?

– Мы шли с 17 с половиной, – тихо ответил Рострон, – и скорости не снижали.

– Невероятно! – Лайтоллер смотрел на Рострона с неподдельным уважением.

– Неужели никого не оказалось поближе?

– А ведь был еще один корабль, мы видели его к северо-западу, совсем близко от нас. Он не отвечал оператору Маркони, не реагировал на наши ракеты. Операторы Маркони Филлипс и Брайд предположили, что это «Лейландский» сухогруз «Калифорниец», который двумя часами раньше сообщил, что его затерло во льдах.

Лайтоллер вдруг остановился, как бы споткнувшись на собственных словах.

– Мне сухогрузы компании «Лейланд» хорошо известны, «Белая звезда» часто их фраговала. В суматохе я как-то не подумал, что тот корабль не был похож на четырехмачтовый сухогруз. Может быть, зрительная иллюзия?

Рострон нахмурился. Он не любил иллюзий.

– Нам ответили канадский «Маунт Темпл» и «Олимпик», немецкий «Франкфурт» все никак не мог понять, что с нами случилось, но ни одного из них что-то не видать! – горько усмехнулся Лайтоллер.

– Мистер Лайтоллер, вам необходимо переодеться, согреться и отдохнуть. Давайте продолжим нашу беседу попозже. Я и так уже злоупотребил вашим временем.

– Хорошо, сэр, я и вправду немного подустал. Спасибо вам за все, – просто, по-моряцки, сказал Лайтоллер, и они вместе с Дином ушли.

Капитан Рострон казался озабоченным. Что-то его беспокоило.

– Мистер Биссет, когда мы прибыли к месту, указанному в координатах, около четырех утра, видели ли вы какой-либо корабль с левого борта?

– Нет, я ничего не видел, сэр, вы же мне приказали следить за айсбергами, так что я ничего другого и не замечал. Но...

– Что но? – быстро спросил Рострон.

– Мне помнится, что мистер Дин упомянул, что видел два корабля на горизонте, один по правому борту, а другой, по левому.

В это время на мостик взбежал оператор Маркони Гарольд Коттэм, тот самый, что первым принял позывные «Титаника» той безумной ночью. Ему был всего двадцать один год, но он считался одним из лучших выпускников ливерпульской школы Гульельмо Маркони.

– Сэр! Маркониграмма от «Калифорнийца». Они только что узнали о трагедии, идут к нам, но очень медленно, из-за ледового поля. Спрашивают, нужна ли помощь.

И тут зазвучала труба, соединявшая мостик с «вороньим гнездом», к ней подбежал Риис.

– Сэр, из «вороньего гнезда» сообщают, что на горизонте видят два корабля: четырехмачтовый к северу и двухмачтовый – к западу.

Почти одновременно с его словами с палубы донесся тихий протяжный вой. Офицеров на мостике проняла дрожь. Это несколько сотен спасенных с «Титаника» женщин узнали, что на «Карпатию» подняли последнюю шлюпку, и их родных в ней не было.

– Так, – раздался твердый голос капитана Рострона, – мистер Коттэм, передайте «Калифорнийцу», чтобы подошел к нам поближе. Пусть проверит акваторию вокруг вот этих координат. Он быстро записал координаты на листке из блокнота и передал Коттэму.

– О живых речи нет, но, по возможности, пусть подберет мертвых.

– Слушаюсь, сэр! – Коттэм умчался.

– Мистер Биссет, приведите ко мне мистера Дина немедленно, одна нога там, другая здесь. Он устраивает в своей каюте мистера Лайтоллера.

– Айэ-Айэ, сэр!

– Мистер Риис, позовите сигнальщика!

Схватив бинокль, Рострон помчался сначала на правый борт, а потом – на левый. Риис и сигнальщик еле поспевали за ним. «Черт возьми, я ведь на пятнадцать лет моложе!» – подумал Риис.

– Мистер Риис, вон тот корабль на севере, наверняка, сухогруз «Калифорниец», у него четыре мачты. Второй, на западе, с двумя мачтами. Сигнальте второму: «Говорит королевский почтовый пароход «Карпатия». Назовите себя».

Поднявшийся в воронье гнездо сигнальщик начал передавать послание Рострона. Ответа не было.

– Продолжайте!

В это время к Рострону подбежал запыхавшийся Дин, за ним следовал Биссет.

– Прибыл по вашему указанию, сэр!

– Мистер Дин, Мистер Биссет мне сообщил, что в четыре часа утра вы видели два корабля, по правому и по левому борту. Смотрите повнимательнее, пожалуйста.

Хоррэс Дин внимательно осмотрел горизонт в бинокль.

– Сэр, в четыре утра было еще темно, я их видел в дымке рассвета. Насчет сухогруза не ручаюсь, его было трудно разглядеть, но двухмачтовый корабль был намного ближе, и это он – на западе.

Рострон быстро повернулся к Дину и впился в него своими пронзительными голубыми глазами.

– Вы уверены?

– Да, сэр!

– Хорошо. – и добавил. – Дело в том, что я его тоже заметил, попозже, часов в пять. Не хотел вам говорить, чтобы не повлиять на ваше мнение.

Капитан продолжал хмуриться.

– Мистер Дин, придется разбудить мистера Лайтоллера и установить, не этот ли корабль он видел после аварии с «Титаником». И еще, среди наших пассажиров есть епископальный священник. Попросите его, от моего имени, провести службу за упокой усопших душ и за спасение выживших. Хоть какое-то утешение несчастным дамам, которые только что овдовели.

– Айэ-Айэ, сэр! – Дин, тяжело ступая, пошел исполнять приказ. Не все могут, как Рострон, скакать по кораблю после бессонной ночи!

Сигнальщику не отвечали.

– Продолжайте! Узнайте у «вороньего гнезда» принадлежность кораблей, если возможно.

Биссет подошел к капитану.

– Сэр, доктор МакГи просит, чтобы вы пришли немедленно. Это очень важно.

– Хорошо. Мистер Биссет, мостик ваш. Уведите корабль на две мили от ледового поля и айсбергов, направление 48-юг, и встаньте на дрейф.

– Айэ-Айэ, сэр!

– Мистер Риис, если будет ответ с неопознанного судна, немедленно сообщите мне, я буду у доктора МакГи в каюте. Продолжайте сигналить еще полчаса.

– Айэ-Айэ, сэр! Из «вороньего гнезда» пришел ответ: на четырехмачтовом судне британский флаг и эмблема компании «Лейланд». На двухмачтовом судне опознавательных знаков нет.

– Пришлите мне матроса с простым ответом от мистера Лайтоллера: да или нет.

И с этими словами капитан Рострон унесся вниз по лестнице.

– Айэ-Айэ, сэр! – прозвучало уже в пустоту.

Артур Рострон ворвался в каюту доктора МакГи, и был тут же схвачен за рукава кителя Брюсом Исмеем. Рострон отшатнулся. О Боже, в кого превратился вальяжный магнат! Небритый, со спутанными волосами, мокрыми от пота, жилистой шеей и костлявыми руками.

– Он был почти что невменяем, мне пришлось дать ему опиаты. Почему вы не пришли раньше? – зашептал ему на ухо доктор МакГи.

Капитан Рострон не ответил.

– Вы хотели меня видеть, мистер Исмей. Чем могу быть полезен?

Брюс Исмей вновь попытался схватить капитана за рукава. Он дышал тяжело, с присвистом, но собрался, чтобы его слова прозвучали убедительнее.

– Капитан Рострон... Капитан Рострон, сэръ, у меня есть серьезные основания утверждать, что «Карпатии» угрожает смертельная опасность.

Глава 2. Левиафан

– Капитан Рострон, у меня есть серьезные основания утверждать, что «Карпатии» угрожает смертельная опасность! – руки Брюса Исмея дрожали, он пытался это скрыть, сцепив ладони и чуть покачиваясь в кресле.

За спиной у него доктор МакГи красноречиво пожал плечами, мол – тяжелый случай, ничего не поделаешь. Однако, к вящему изумлению доктора, капитан Рострон придвинул стул и сел поближе к Исмею.

– Я вас внимательно слушаю.

Исмей был не менее удивлен. Он готовился к тому, чтобы упрашивать и убеждать, и поэтому растерялся.

– Даже не знаю с чего начать... И еще, – Исмей с неуверенностью оглянулся на доктора МакГи.

– Начните с самого главного. Доктор МакГи связан врачебной тайной, говорите свободно.

– «Титаник» не затонул, он был потоплен! – выпалил Брюс Исмей.

Доктор МакГи ахнул и вновь с удивлением уставился на Рострона. Тот только нахмурился, покусывая край губы.

– Приведите ваши аргументы. Пожалуйста, успокойтесь и теперь уже расскажите все по порядку. Сосредоточьтесь.

– Когда стало ясно, что кораблю не продержаться на плаву более двух часов, об этом сообщил главный инженер мистер Томас Эндрюс, ознакомившись с повреждением, капитан Смит отдал распоряжение об эвакуации, – голос Исмея все еще дрожал, но, увлекшись рассказом, он немного успокоился. – Мы, несколько человек, сидели в полной растерянности в кают-компании. Я, почему-то, выскочил на палубу и побежал в сторону мостика, мне хотелось двигаться, все было похоже на дурной сон. И вдруг меня хватает за руку первый помощник капитана Уильям Мердок – глаза запавшие, сверкают, и тянет меня к стенке верхней палубы. Последовавший разговор был просто фантазмагоричным:

– Я вас везде ищу! Когда же он подойдет поближе и забрет пассажиров?

– Кто?!

– Ваш корабль!

– Мой корабль?! Мердок, вы рехнулись?! Мы с вами на моем корабле, на «Титанике»!

– Мне сказали, что вы в курсе, и что после аварии «Титаника» всех подберут, что все пройдет гладко!

– Я ничего не понимаю!

– Мне сказали, что вы – глава заговора! Страховка за «Титаник»!

И тут до меня что-то начало доходить.

– Я весь этот бред в первый раз слышу! Откуда вы это взяли, кто вам такого наговорил?! Что вы натворили?! О каком корабле вы говорите?!

Мердок указал на светящиеся точки на горизонте по левому борту.

– Вы можете описать этот корабль? – перебил Рострон.

– Увы нет, мне было не до того, у меня и бинокля-то не было, я совсем запутался и пытался лихорадочно понять, что же все-таки произошло? В конце концов, мне удалось кое-что вытянуть из Мердока, без всяких деталей, на них у нас просто не было времени: началась суматоха и спуск шлюпок, беготня по палубе. Получалось, что несколько человек на «Титанике», в том числе Мердок и рулевой, были вовлечены в авантюру, замысел которой приписывался мне, дабы потопить «Титаник» ради страховки. Якобы у «Белой звезды» большие долги, и одним из близняшек – «Титаником» или «Олимпиком», необходимо было пожертвовать. От моего имени, наниматели гарантировали заговорщикам безопасность всех пассажиров и членов экипажа. Якобы всех переправят на другой корабль, тем более, что море было спокойным. На протяжении всего пути, оказывается, нас и впрямь сопровождал какой-то корабль.

– Да что вы говорите, – не выдержал доктор МакГи, – «Титанику» подкинули что ли айсберг, на который надо было наскочить?!

– Заговорщикам дали координаты этой огромной глыбы с того самого корабля, просигналив лампой Морзе, незадолго до одиннадцати вечера. Азбуку Морзе на «Титанике» знали очень немногие, а хорошо знал только Мердок, и мерцанию огней на каком-то проходящем корабле никто не придал большого значения. Мердок и рулевой чуть-чуть изменили курс. От «нанимателей» ему было известно, что необходимо «потереться» об айсберг всем корпусом, а не спровоцировать лобовой удар. По-видимому, это тоже было предусмотрено, либо «нанимателям» сильно повезло.

– Я знал мистера Мердока, – тихо проговорил капитан Рострон, – он был прекрасным моряком. Если он сам, как вы говорите, стоял за штурвалом прошлой ночью, мне не верится, чтобы он не смог увернуться от берга.

– Во время этого путаного разговора со мной, Мердок понял, что его подставили. Подставили и кинули. Не было никакого заговора внутри «Белой звезды» со мной во главе. Не было никакого плана добыть страховку. Не было никакого плана спасения пассажиров и экипажа. Были какие-то другие причины, по которым «Титаник», его пассажиры и команда, должны были погибнуть: дети, женщины, мужчины, – все!

– Неужели он действовал один? – спросил МакГи.

– Я уверен, что нет, то есть была какая-то группа заговорщиков на «Титанике», в том числе и рулевой.

– А дальше? Что он сделал, что предпринял, когда узнал об обмане?! – воскликнул доктор МакГи.

Брюс Исмей всхлипнул.

– Мистер Уильям Мердок застрелился у меня на глазах.

В каюте наступила полная тишина. Было слышно тиканье часов на столе у доктора.

Рострон казался подавленным. Таким его МакГи еще не видел. Он первым пришел в себя.

– Даже если все это правда, – начал МакГи осторожно, – то трагедия уже произошла, «наниматели», как вы их назвали, добились своего, почему же в опасности «Карпатия»?

– Потому, – торжественно и мрачно проговорил Исмей, обращаясь к молчавшему Рострону, – что вы смешали им все карты. Вас не должно было здесь быть, вас не ждали! Никто не должен был остаться в живых, понимаете, никто! В таком холоде спасшиеся на шлюпках долго бы не продержались, и в шлюпках, почему-то, не оказалось ни еды, ни воды, ни сигнальных огней.

– Капитан Смит нам сообщил, что у вас маломощный передатчик Маркони, и на «Карпатии» чудом слышали сигнал на таком большом расстоянии только потому, что ночь была чистой – никакого тумана, помех. Но даже и тогда, когда вы молниеносно откликнулись на сигнал бедствия, Смит подсчитал, что вам понадобится пять с половиной часов, что-

бы прибыть на место аварии. Он вытащил последний выпуск морского справочника и сверился с вашей биографией: капитан сухогрузов с 1907 года, в 1909 году переведен на пассажирские линии и командовал «Паннонией», трансатлантическим круизным пароходом. Капитан «Карпатии» с января 1912 года, то есть всего лишь три года опыта трансатлантических пассажирских переходов.

Рострон усмехнулся.

– Правда, капитан Смит припомнил, что коллеги по «Кьюнард» отзывались о вас очень высоко: «мореход на все сто процентов». Но заключил, что вы не сможете и не решитесь рискнуть пассажирским лайнером и пройти через ледяные заносы на максимальной скорости. А предельная скорость, по паспорту, у «Карпатии» мизерная – 14 узлов. Скорее всего, это знали и «наниматели». «Карпатию» просто не приняли в расчет. А вы примчались за три с половиной часа, сквозь льды, и на какой-то несусветной скорости!

Исмей снова прослезился и зашмыгал носом.

Наконец, Рострон заговорил.

– Часть тех, кто участвовал в заговоре, могла спастись и сейчас находится на «Карпатии». Скорее всего, это члены экипажа, но возможно, они есть и среди пассажиров. Заговорщики поняли, что их обманули и обрекли на смерть. Оставлять свидетелей такого преступления в живых нельзя. Мишенью «нанимателей» теперь стала «Карпатия». Правда, им точно не известно, кого именно мы подобрали, но риско-

вать они не станут. Мердок назвал имя рулевого?

– Да, но я совершенно запамятовал! – жалобно проговорил Исмей.

– Ну, это будет нетрудно установить.

В каюту постучали, и капитан Рострон быстро вышел, за ним последовал доктор МакГи.

– Вы всему этому верите? – растерянно спросил он.

За дверью стоял Джеймс Биссет.

– Я решил сам придти с докладом, сэр. На мостике старпом Хэнкинсон.

Рострон смотрел на него вопросительно.

– Мы дрейфуем, согласно данным вами координатам, сэр. «Калифорниец» совсем рядом, прочесывает акваторию по вашей просьбе. Неизвестный корабль на запросы не отвечает. Мистер Лайтоллер подтвердил, что это – тот самый корабль, который он видел с «Титаника».

МакГи не удержался от возгласа, и Биссет воззрился на него с удивлением.

– Мистер Биссет, – Рострон вдруг почувствовал усталость, – передайте мистеру Хэнкинсону оставаться на дрейфе. Попросите «Калифорнийца» задержаться еще часа на два. Дальнейшие указания получите через час.

– Айэ-Айэ, сэр!

Рострон вернулся в каюту МакГи. Ошарашенный доктор последовал за ним.

– Мистер Исмей, у вас есть хоть какие-нибудь соображе-

ния насчет истинного плана «нанимателей»?

– У меня не было времени основательно это обдумать. Самые безумные мысли лезли в голову. Но одна идея кажется наиболее вероятной. Прочтите список пассажиров. Это ведь «кто есть кто» финансового мира Соединенных Штатов! Погибли лорд Астор, мистер Гуггенхайм, мистер Штраус, мистер Мартин Ротшильд, и это только самая верхушка влиятельных финансовых воротил из списка пассажиров.

– И что из этого следует?

– Финансовый кризис. Обрушение фондовой биржи США, которая открывает свои торги сегодня.

– И кто-то обогатится, сыграв на опережение? – спросил МакГи.

– Берите выше. Кто-то добьется смены правящей партии и перемены внутреннего и внешнего политического курса Соединенных Штатов на предстоящих выборах.

Рострон горько усмехнулся. И «Карпатия», ее беззащитные пассажиры, теперь единственное препятствие для достижения этих грандиозных целей. А ведь он-то думал, что бешеная гонка среди айсбергов – это самое большое испытание, выпавшее на его долю темной апрельской ночью.

Он поднялся.

– Мистер Исмей, благодарю вас за информацию и за ваши соображения. Мне необходимо все хорошенько обдумать. Очень важно, чтобы этот разговор вы и доктор МакГи сохранили в строжайшей тайне. Я буду держать вас в курсе своих

решений и последующих действий в той степени, в которой это будет необходимо.

Доктор МакГи, осунувшийся и мрачный, только кивнул.

– Капитан Рострон, сэр, – Исмей судорожно сглотнул. – Они, – он мотнул головой в сторону двери, – они все меня ненавидят, за то, что я спасся. Но вы ведь понимаете теперь, что мне необходимо было спастись! Необходимо было предупредить вас об опасности! Я прыгнул в последнюю полупустую шлюпку, я не занял чужого места, я не...

– Мистер Исмей, – Рострон положил руку на плечо всхлипывающего магната, – каждый имеет право на жизнь и на спасение. Я вас не осуждаю, и я вам верю.

На палубе было спокойно. Ветер стих. Сияло солнце, украшая искрами ледяное поле, сверкающее неподалеку, отражаясь на верхушках розоватых айсбергов. Эта величественная, спокойная красота трагически контрастировала с совершенным ночью злодеянием.

Артур Рострон подошел к борту корабля и облокотился на поручни. На первой и второй пассажирских палубах, как раненные птицы, расположились пассажиры погибшего «Титаника», в основном, женщины и дети. В трюме «Карпатии» им были предоставлены персональные каюты, три удобные кают-компании, столовые. Но, будто бы замороженных, их все тянуло наверх, на палубы, к океану, поглотившему их любимых. Там они и сидели, укутанные в одеяла, безмолвно, безучастно.

В первый раз Артур сбежал на корабль, когда ему было двенадцать лет. Его вернули и отодрали за уши. Отец все надеялся, что старший сын пойдет по его стопам и займется льняным бизнесом: в ланкаширском Болтоне все занимались производством льна и не было никакого моря. Его отдали в частную школу, что для семьи мелкого предпринимателя, в которой было еще пятеро детей, было довольно накладным. Но вихрастый белобрысый упрямый мальчишка сбежал еще раз, и еще, и еще. Джеймс Рострон понял, что его сын одержим морем, что это не прихоть, а заветная мечта, а мечту убивать нельзя. Он продал часть своего бизнеса, чтобы определить сына в самую престижную ливерпульскую кадетскую мореходную школу, выпускники которой становились «джентельменами и офицерами», и Артур был ему за это бесконечно благодарен.

Джеймс Рострон всегда гордился достижениями старшего сына, его неуклонным продвижением в карьере, капитанской лицензией. Уже шесть месяцев, как его не стало, и вот, бывший вихрастый болтонский мальчишка, остался в одиночестве перед лицом неведомых сил, только что совершивших страшное злодеяние. И от него одного, от его сообразительности, решимости и упорства, зависело то, чтобы это злодеяние не повторилось. Решения принимать придется ему и только ему. Как-то раз он сказал Джеймсу Биссету: «мостик иногда бывает самым одиноким местом в мире».

Только бы не растеряться, не дрогнуть!

И Артур Рострон сделал то, что он всегда делал в самые важные и тяжелые минуты своей жизни: приподняв фуражку, он обратился к Провидению с безмолвной молитвой. Артур всегда молился только об одном – чтобы Провидение помогло ему принять правильное решение. Потом он принимал это решение, и приступал к его выполнению, никогда его не меняя и не сомневаясь в его правильности. Своей веры Артур Рострон не стеснялся, ни от кого ее не прятал, но ни с кем ею не делился и никому ее не проповедовал. Он молился в уединении, его вера была твердой и настоящей, его личной, не напускной, и за это его уважали даже самые матерые морские волки. «Вера должна быть в сердце, а не на языке», – говорил он.

Как-то, еще шестнадцатилетним мальчишкой, Артур стоял на корме кадетского учебного парусника, ночью, в полном одиночестве, и внезапно осознал всю силу и необъятность стихии и свою принадлежность к ней. Он инстинктивно почувствовал, что стихия, природа и мироздание имеют божественную основу, что он сам является ее частичкой, и что жить имеет смысл, доверяя Провидению, а не вопреки ему.

Через шесть месяцев, парусник, на котором служил кадет Рострон, попал в страшный шторм и почти что лег на борт около мыса Горн. Рострона смыло с палубы в открытое бушующее море. Он не столько испугался, сколько удивился, неужели он больше не нужен Провидению, и вся его жизнь так глупо закончится в неполных семнадцать лет?

«Мне очень хочется жить, сделать много всего хорошего!» – взмолился мальчишка, и в следующее мгновение, поднятый неизвестно откуда взявшейся бортовой волной, он был выплеснут назад, на палубу. С тех самых пор, Провидение верило в Рострона так же, как он верил в него.

Кто-то потянул его за китель. Это был мальчишка лет пяти, с любопытством смотревший на капитана, задрав вихрастую голову с натянутой на лоб вязаной шапкой. У Рострона кольнуло сердце: его Арнольду, Арни, было примерно столько же лет. С ловкостью опытного отца семейства он подхватил малыша на руки.

– Чего тебе, карапуз?

– Ты здесь самый главный?

– Да, я капитан этого корабля.

– Тогда ты знаешь, когда приплывет папа? Мы с мамой уже давно приплыли, а папы все нет и нет. Мама его ждет и все не спит.

Артур прижал мальчишку к груди.

– Пойдем, поищем твою маму. Где она?

Мальчик указал пальцем на одинокую, укутанную в одеяло, фигуру, у самого борта. Молодая женщина сидела на низкой корабельной лавке, неподвижно устремив взор в какие-то ей одной ведомые океанские дали. На коленях она держала трехлетнюю девочку.

Артур присел на корточки перед женщиной и осторожно дотронулся до ее плеча.

– Мэм... Я привел вашего...

Женщина обернулась, и он осекся. Как же она была похожа на Минни! Те же темно-каштановые кудри, выбивающиеся из под капора, те же глубокие медовые глаза. Только глаза эти были полны такой вселенской печали, что затянули его как в омут. Несколько мгновений они не проронили ни слова. Молчание прервал карапуз.

– Мама, это капитан, спроси его, когда приплывет папа.

– Папа не приплывет, – нервно ответила она. – Папы больше нет и никогда не будет!

Мальчонка тихо заплакал.

Артур взял женщину за руку. Рука была ледяная, хоть и в перчатке.

– Это не так, мэм, – тихо сказал он. – Ваш муж не исчез, он всегда будет рядом с вами, жить в этих малышах. Он будет смотреть на вас их глазами, улыбаться их улыбками, смеяться их смехом. Он никогда вас не покинет.

Женщина посмотрела на него с изумлением. Потом вдруг притянула его руку, прижалась к ней щекой и разрыдалась.

– Поплачьте, это хорошо.

Так они и сидели, минут пять, не меньше. Наконец, она взяла себя в руки.

– Спасибо вам, – сказала она просто.

Артур улыбнулся. Улыбка у него была заразительная, и она, еле заметно, но все же улыбнулась в ответ.

– Скажите, капитан, – кто-то проговорил срывающимся

голосом у него за спиной. Артур встал и обернулся. Небольшая группа людей, по виду пассажиров второго и третьего класса с «Титаника», сгрудилась на палубе, узнав капитана. Голос принадлежал женщине лет тридцати.

– Скажите, капитан, ведь ваш корабль не затонет? С нами ничего больше не произойдет? Мой муж погиб, дома у меня четверо детей и старушка-мать. У них больше никого нет. Если что-то случится со мной, дети останутся круглыми сиротами.

Люди окружили его.

Артур Рострон выпрямился. В его голосе слышались былая решительность и упрямство.

– На моем корабле с вами не случится ничего! Слово капитана, я доставлю вас домой живыми и невредимыми!

Через несколько минут капитан Артур Рострон взбежал на мостик. Настроение у него было боевым и азартным. Нет, не одолеть вам упрямого болтонского мальчишку! Вам ведь неизвестно, что он верит в Провидение, а Провидение верит в него.

Глава 3. Сцилла и Харибда

– Капитан на мостике!

Офицеры Хэнкинсон, Дин и Биссет, старший стюард Гарри Хьюз, и – Чарльз Лайтоллер, ожидали дальнейших указаний.

– Мистер Лайтоллер, вам надо бы отдохнуть!

– Все в порядке, сэр, одного часа мне достаточно. Я подумал, что могу вам пригодиться.

– Благодарю вас, мистер Лайтоллер. Мистер Хьюз, вы ко мне с докладом?

– Да, сэр! Преподобный Андерсон проводит службу в кают-компании первого класса, собралось очень много народа. Меня послали поблагодарить вас.

– Сэр, не попросить ли преподобного Андерсона провести отпевание погибших матросов? – спросил Дин.

– Нет, я не хочу, чтобы пассажиры видели тела погибших: они находятся в состоянии шока, и мы должны, по возможности, уберечь их от дополнительных психологических травм. Я сам проведу отпевание попозже, и мы предадим тела морю.

– Мистер Хьюз, после окончания службы попросите пассажиров «Титаника» и наших пассажиров собраться на верхней палубе. Я хочу обратиться к ним с короткой речью. Да, и, пожалуйста, пришлите мне Коттэма с информацией о погодных условиях в направлении Халифакса, Нью-Йорка и Азорских островов.

– Слушаюсь, сэр, – Хьюз ушел исполнять поручение.

– Мистер Хэнкинсон, через полчаса снимаемся с дрейфа. Распорядитесь приспустить флаг: «Карпатия» в трауре.

– Айэ-Айэ, сэр! – и Хэнкинсон подозвал старшину.

Рострон повернулся к остальным офицерам.

– Мистер Дин, мистер Биссет, – и, после секундного коле-

бания, – мистер Лайтоллер, попрошу пройти со мной в рубку.

Эти слова, произнесенные капитаном несколько приглушенно, показались офицерам тревожными. В полном молчании они последовали за Ростроном в пустую рубку. В это время в нее ворвался Коттэм с кипой маркониграмм в руке и собрался, как обычно, затараторить, но капитан жестом остановил его.

– Джентльмены, я собрал вас здесь, чтобы проинформировать о сложных обстоятельствах, в которых оказался наш корабль. Я буду краток, но прежде, чем объясню вам суть дела, мне необходимо получить подтверждение вашему полному и безусловному доверию ко мне и к моим последующим действиям. Эти действия и поступки вам могут показаться непоследовательными и странными, и не всегда я смогу вам их обстоятельно объяснить, тем более, что впереди нас ждут тяжелые испытания. Мне надо знать, что вы доверяете мне полностью, и будете исполнять мои указы беспрекословно.

Присутствующие переглянулись.

– Мистер Биссет, я начну с вас. Мы с вами плаваем вместе не первый год, вы служили третьим офицером на моей «Брескии». Я знаю вас хорошо и надеюсь на ваше содействие.

– Сэр, я с вами хоть на край света!

– Благодарю вас. Мистер Дин, мы знакомы всего четыре месяца, но, как говорится, если капитан не доверяет своему первому офицеру, то он в большой беде.

– Благодарю вас за доверие, сэр, и надеюсь его оправдать!

– Мистер Коттэм, строго говоря, вы не член команды «Карпатии», а сотрудник фирмы Маркони. Вы обязаны следовать моим инструкциям, но не в том случае, если я попрошу вас пренебречь вашими прямыми обязанностями и, – Рострон задумался, подбирая слова, – быть экономным в правдивости ваших сообщений, а иногда и прямо солгать.

Биссет и Дин переглянулись, Лайтоллер не издал ни звука, Коттэм смотрел на капитана, почти не моргая. Рострон продолжил:

– Это поставит вас в затруднительное положение перед вашим непосредственным начальством, но всю ответственность за ваши поступки я возьму на себя. Без вашего содействия мне не удастся спасти «Карпатию».

Раздались возгласы, тревожное настроение в рубке нарастало, но Коттэм ответил с твердостью:

– Капитан Рострон, сэр, после того, что вы совершили невозможное и спасли всех этих людей, я доверяю вам полностью и беззаговорочно и буду следовать всем вашим указаниям!

– Спасибо, сынок, – Рострон был тронут до глубины души. Наконец, он повернулся к Лайтоллеру.

– Мистер Лайтоллер, на моем корабле вы являетесь пассажиром, и я не могу ни требовать, ни ожидать от вас прямого подчинения, но вы мне действительно нужны.

Лайтоллер ответил вопросом:

– Сэр, «Карпатия» – пассажирское судно, но ее флаг не красного цвета, как у пароходов торгового флота, а синего – знамя военно-морских сил Британии. А это означает, что ее капитан, к тому же, имеет высокий военный ранг, не так ли?

– Совершенно верно, мистер Лайтоллер, я – командер резерва военно-морского флота Британии.

– Командер Рострон, сэр! – Лайтоллер по-военному отдал честь. – лейтенант резерва военно-морского флота Британии Чарльз Лайтоллер прибыл в ваше распоряжение!

– лейтенант Лайтоллер, благодарю за службу! – так же, по-военному, приветствовал его Рострон.

Он пожал руки всем присутствующим и, видя их нетерпение, приступил к делу без обиняков.

– У меня есть веские основания предполагать, что неизвестный корабль, дрейфующий на юго-западе, представляет для нас серьезную, я бы даже сказал, смертельную угрозу. Я считаю, что мы можем подвергнуться нападению, как только «Калифорниец» проследует по своему маршруту и выйдет из поля видимости. Выяснить, какого рода будет эта атака, и как нам ее предотвратить, пока «Калифорниец» поблизости, является нашей первейшей задачей, и да поможет нам Бог!

Лица у Дина и Биссета вытянулись, Коттэм вытаращил глаза, и только Лайтоллер коротко кивнул, как бы в подтверждение своим собственным опасениям.

Рострон продолжил.

– Причина враждебности неизвестного корабля –

несколько членов команды и пассажиров, которых мы подняли на борт. Они – свидетели злодеяния, совершенного над «Титаником» прошлой ночью.

Тут уж возгласы и восклицания посыпались со всех сторон.

– Причины злодеяния нам неизвестны, и гадать я не буду. Но это не суть как важно на данном этапе. Нам надо добраться до земли обетованной целыми и невредимыми.

– Каким образом, сэр, вам стало известно об этих обстоятельствах? – спросил Биссет.

– Я бы предпочел не отвечать сейчас на этот вопрос.

– У вас есть план, сэр? – хрипло спросил Дин.

– Да, есть. Но прежде всего, и это очень важно, все наши совещания должны содержаться в полной секретности. Из пассажиров и, в особенности, из команды «Титаника», никто не должен подозревать, что нам что-то известно. Лейтенант Лайтоллер, кто стоял за штурвалом «Титаника» во время столкновения с бергом?

– Рулевой Хитченс, сэр. Препротивный субъект, я вам доложу! В шлюпке вел себя отвратительно, впал в истерику. Говорят, что миссис Маргарет Браун пригрозила вышвырнуть его за борт.

Рострон невольно улыбнулся. Ох уж эта невозможная Миссис Браун!

– Значит Хитченс на «Карпатии»... Лейтенант Лайтоллер, кому вы доверяете больше всех из ваших офицеров?

Лайтоллер ответил сразу.

– Пятому помощнику капитана Гарольду Лоу, сэр.

– Отлично, сегодня же попросите мистера Лоу проследить за действиями Хитченса, его контактами, разговорами на борту, не открывая сути дела. Не совсем достойное поручение для морского офицера, я понимаю, но в нашем положении любая добытая информация может оказаться решающей, а доверять мы можем очень немногим.

– Будет исполнено, командер Рострон, сэр!

– Мистер Коттэм, вам известно, когда «Калифорниец» планирует прекратить исследование акватории?

– Да, сэр! Они сообщили, что не нашли ни одного тела, и не могут задерживаться дольше. У них срочный груз, и они возобновят маршрут на Бостон ровно через час. Спрашивают, каковы наши планы.

– И какое их дело? – разозлился Дин. – Проспали во льдах всю ночь, вместо того, чтобы оказать помощь тонущему кораблю!

– Мистер Коттэм, есть ли информация о погодных условиях по трем указанным маршрутам?

– Да, сэр. Русский корабль «Бирма» сообщает, что в направлении Халифакса небольшие льдины, но погодные условия приличные. Прекрасная погода на Азорских островах, это передавал «Франкфуртер». «Маунт Темпл» и «Олимпик», оба сообщают, что в направлении Нью-Йорка сильный туман, а поближе к заливу – десятибалльный шторм.

При этих словах лицо капитана Рострона, почему-то, просветлело. Коттэм продолжил:

– «Олимпик» предлагает перевести пассажиров и команду «Титаника» к себе на борт. Он требует список спасенных, сэр.

– Так вот ведь решение проблемы! – воскликнул Дин. – Мы отправим всех спасенных на «Олимпик», и пусть они сами разбираются с неизвестным кораблем!

– Об этом не может быть и речи! – укоризненно ответил капитан Рострон. – Сажать несчастных снова в шлюпки, и отправлять на корабль, точную копию потонувшего! Это бесчеловечно, также как и ставить под удар пассажиров «Олимпика».

– Простите, сэр, – виновато произнес Дин, – вы совершенно правы, я не подумал.

– Итак. Мистер Коттэм, сообщите «Калифорнийцу» и «Олимпику», что мы следуем в Халифакс, самый близкий от нас пункт назначения. Передайте, чтобы компания «Белая звезда» прислала в Халифакс поезд, на котором спасенные пассажиры «Титаника» смогут отправиться в Нью-Йорк. Скажите «Олимпику» что ждать его не можем, так как на борту тяжелобольные.

Коттэм заговорщически кивнул.

– Пусть постарается следовать за нами, скорость у него высокая, и мы передадим им списки спасенных в процессе движения.

– Слушаюсь, сэр! Я вам еще нужен здесь сэр?

– Нет, мистер Коттэм, можете пока идти.

Коттэм убежал.

– Лейтенант Лайтоллер, вы знакомы с корабельным оружием?

– Так точно, сэр! Недавно закончил курс по морской артиллерии.

– Отлично! Полезайте в «воронье гнездо» и хорошо осмотрите палубы неприятеля. Мы постараемся подойти поближе.

– Есть, командер Рострон, сэр! – и Лайтоллер поспешил к лестнице, поднимающейся к «вороньему гнезду».

– Мистер Дин, подведите нас малым ходом поближе к неизвестному кораблю и разверните «Карпатию» параллельно, чтобы хорошо просматривались верхние палубы.

– Айэ-Айэ, сэр!

«Карпатия», стараясь не привлекать своим маневром внимания неизвестного корабля, немного приблизилась к нему, заодно разворачиваясь параллельным курсом. Рострон, у левого борта, напряженно всматривался в бинокль. Наконец, он что-то высмотрел и довольно крикнул.

Из «вороньего гнезда» спустился Лайтоллер и подбежал к капитану. Дин и Биссет поспешили к ним. Рострон жестом указал им на рубку.

– Ну как?! – возбужденно спросил Рострон, когда они все ввалились в рубку.

– Два Би-Эла, закамуфлированные брезентом, сэр. Калибр неизвестен, но у всех Би-Элов траектория поражения около девяти тысяч ярдов.

– Мне так и показалось снизу, – подтвердил Рострон, – отлично!

– Что же хорошего, сэр?! – недоуменно воскликнул Биссет. – Две дальнобойные корабельные пушки!

– А то хорошо, мистер Биссет, что это означает, что у наших врагов нет субмарины. Это военный катер, а не корабль наблюдения.

И повернувшись к первому помощнику:

– Мистер Дин, набросайте маршрут, я его подправлю. Северо-запад на Халифакс в качестве обманного маневра, а потом резко на юго-запад. Мы идем в Нью-Йорк!

Все трое уставились на капитана в изумлении.

– Я спрячусь от них в тумане, а потом пройду через шторм на полном ходу. Они не смогут прицельно стрелять в тумане, и очень сомневаюсь, чтобы они осмелились полезть за мной в десятибальный шторм!

Глава 4. Бегство «Карпатии»

– Я спрячусь от них в тумане, а потом пройду через шторм на полном ходу. Очень сомневаюсь, чтобы они осмелились полезть за мной в десятибальный шторм! – и капитан Рострон нежно погладил стенку рубки.

– Мы еще зададим всем жару, почтенная леди!

Настроение капитана тут же передалось присутствующим. Стало легко, и даже как-то весело, уныния как не бывало, вместо него появились уверенность и азарт. Усталость как рукой сняло.

– Айэ-Айэ, сэр! – Дин принялся набрасывать маршрут, а Джеймс Биссет подумал: «Электрическая искра» в действии! Научусь ли я когда-нибудь вот так заряжать своим энтузиазмом и энергией окружающих?».

– Мистер Биссет, вызовите рулевого Фицпатрика, если он уже отдохнул после ночной смены. Прекрасный рулевой, я ему доверяю.

– Айэ-Айэ, сэр!

В рубку постучали. Это был старший стюард Хьюз. Офицеры, кроме Дина, склонившегося над маршрутом, вышли на мостик.

– Сэр, служба заканчивается, пассажиры «Титаника» будут на палубе через четверть часа. Вот примерный список спасенных, пока что уточняем, но, похоже, мы подобрали от 705 до 712 человек. – и Хьюз вручил капитану толстую подшивку бумаги.

– Спасибо! Заберите у Коттэма несколько сотен бланков для маркониграмм, чтобы раздать потерпевшим с «Титаника».

– Слушаюсь, сэр!

Капитан Рострон провел рукой по подбородку.

– На кого я похож! Небритый, китель помятый. Мне надо

привести себя в порядок. Четверти часа достаточно. Мистер Хьюз, куда перенесли мои вещи? Я ведь распорядился отдать мою каюту леди Астор, миссис Тэйэр и миссис Уайденер.

– Вы не дали определенных распоряжений, сэр, поэтому я перенес все к себе.

– Отлично! – и капитан Рострон умчался вниз по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки.

Ровно через четверть часа гладко выбритый, в отутюженном кителе, капитан Артур Генри Рострон обратился с мостика к спасенным пассажирам и членам команды «Титаника». Пассажиры «Карпатии» тоже потянулись на палубу.

– Леди и джентльмены, Провидению угодно было распорядиться, чтобы нас объединили горе и печаль. Поверьте, что сердце «Карпатии» и ее офицеров, всех членов команды, бьется в унисон с вашими сердцами, и мы глубоко переживаем ваши трагические утраты. Флаг на «Карпатии» приспущен, корабль в трауре.

На палубе послышались всхлипывания.

– Но жизнь продолжается – в вас самих, в ваших детях, и мы с вами должны сделать все возможное, чтобы эту жизнь защитить, чтобы жертвы тех, для кого не осталось места в спасательных шлюпках, не оказались напрасными.

Несколько сотен глаз смотрели на капитана – кто с надеждой, кто со слезами, кто-то отрешенно.

– Мы направляемся в Халифакс, там вас подберет поезд и доставит в Нью-Йорк. Сейчас вам раздадут бланки для мар-

кониграмм. Напишите несколько строчек для ваших близких, что вы живы и находитесь на борту «Карпатии», и наш оператор Маркони, мистер Коттэм, постарается их передать на берег.

И тут в толпе присутствующих зоркие глаза моряка разглядели ту самую молодую женщину, к которой он недавно приводил ее малыша. Артур не знал ее имени, мысленно окрестив ее «вторая Минни», и ему вдруг стало очень приятно ее видеть. Она стояла одна, без детей, видимо, оставив их в каюте. Глаза капитана задержались на ее красивом бледном лице, и она улыбнулась и кивнула ему. Артур ответил такой-же мимолетной улыбкой и быстрым кивком.

– Слово капитана и морехода, который провел в море двадцать семь лет, «Карпатия» доставит вас домой живыми и невредимыми. Какие бы испытания нам не встретились на пути – шторм, гроза или туман, ни минуты не сомневайтесь во мне и в моей команде!

И капитан Рострон, склонив голову, дал понять, что речь окончена.

«Калифорниец» просигналил, что возвращается к прерванному маршруту на Бостон. Наступило время действовать.

Капитан Рострон, по обыкновению, так стремительно вошел в комнату связи, что Коттэм подпрыгнул. Под глазами у него были темные круги.

«Мальчишка совершенно вымотался», – подумал Ро-

строн, – «а заменить некем. Нам по штату полагается только один оператор Маркони, и маломощный прибор. Прошлой ночью Коттэм задержался на аппарате дольше положенного, хотел послушать переговоры других кораблей и поймал SOS «Титаника». А если бы он лег спать во-время?» «Ты бы был уже около Гибралтара, и никаких проблем!» – промелькнула предательская мысль. Рострон разозлился сам на себя.

– Мистер Коттэм, сейчас очень многое зависит от вас. Свяжитесь с «Олимпиком» и передайте ему список спасенных с «Титаника», начиная с пассажиров первого класса, и заканчивая членами команды. Уточните, что списки неполные и предварительные, что возможны ошибки. Объясните, что до земли, в том числе до мыса Рэйс, нашему аппарату не дотянуться, поэтому передавать сможем только через «Олимпик».

Рострон остановился, чтобы подчеркнуть важность последующих слов.

– Теперь самое главное. Передавайте список с паузами, пожалуйста, что устали, засыпаете на ходу. Нам важно, чтобы «Олимпик» шел по нашему следу хотя бы еще один час. Растяните пересылку списка, насколько это будет возможно.

– Всем другим кораблям, кто сможет с нами связаться, отвечайте, что идем в Халифакс, и больше ни одного слова. Игнорируйте!

– Вам будут приносить тексты маркониграмм от пассажиров их семьям. Постарайтесь отправить через «Олимпик»,

сколько сможете. Представьте, какую радость доставят эти послания семьям спасенных. Однако, если текст покажется вам странным или подозрительным, не посылайте, предварительно не показав его мне.

– Эту маркониграмму отправьте от имени мистера Брюса Исмея в штаб-квартиру «Белой звезды». Запишите: «С глубокой скорбью сообщаю, что «Титаник» затонул прошлой ночью. Есть большие человеческие жертвы. Подробности позже».

Коттэм внимательно слушал капитана, делая пометки в блокноте.

– И, наконец, мой официальный отчет для пересылки в штаб-квартиру «Кьюнарда».

Рострон протянул Коттэму листок бумаги с аккуратно и четко написанным текстом: «15 апреля, 1912 года, понедельник, 11 часов утра. «Титаник» затонул в 2 часа 20 минут. Направляюсь в Нью-Йорк со спасенными пассажирами и членами команды, если не будет иных распоряжений. Рострон».

– А теперь положите мой отчет в ящик и не отправляйте до вторника. О последствиях не беспокойтесь.

Коттэм кивнул.

– Я распоряжусь прислать вам хороший завтрак и кофе.

Коттэм обернулся, и его губы растянулись в мальчишеской улыбке.

– Сэр, а можно шоколаду?

– Конечно можно!

Рострон улыбнулся в ответ и, выходя, еле удержался, чтобы не взъерошить ему волосы, как своим мальчишкам.

– Капитан на мостике!

У руля стоял Джеймс Фицпатрик. Хоррэс Дин передал капитану рассчитанный маршрут. Быстро просмотрев его и добавив несколько пометок, Рострон одобрительно кивнул.

– Мистер Дин, максимальная скорость. Полный вперед.

– Айэ-Айэ, сэр! Направление запад-северо-запад, 45 градусов, полный вперед!

«Карпатия», набирая обороты, неслась на запад, увозя сломленных, подавленных людей от места трагедии. На палубах снова послышались плач и стоны. Надежды на спасение любимых больше не осталось.

Капитан Рострон стоял на мостике, вцепившись в поручни. Губы его беззвучно двигались. Офицеры знали, что это означает. Несколько минут молитвы, и посыпались распоряжения.

– Мистер Риис, распорядитесь, чтобы из «вороньего гнезда» сообщали о маневрах неизвестного корабля каждые десять минут. Установите дежурство по одному часу. Мне не нужны там уставшие люди.

– Айэ-Айэ, сэр!

Обернувшись к четвертому помощнику Джеффри Барнишу:

– Мистер Барниш, расставьте впередсмотрящих по всему периметру корабля: по три человека по каждому борту, двое

на корме, четверо на носу. Поручите старшине рапортовать каждые четверть часа. Пусть сообщают о любом, даже самом незначительном, событии в море. Сменять каждый час.

– Айэ-Айэ, сэр!

– Лейтенант Лайтоллер, желательнее, чтобы вперёдсмотрящие были офицерами, попросите офицеров «Титаника» нам помочь.

– Слушаюсь, командер, сэр! Боксэл болен. Я поставлю Лоу и Питмана на корме, скорее всего, именно там понадобятся зоркие глаза.

– Согласен!

– Мистер Биссет, поручите мистеру Хьюзу деликатно, но настоятельно, попросить пассажиров освободить открытые палубы. Сошлитесь на штормовое предупреждение.

– Айэ-Айэ, сэр! – Джеймс Биссет стал было спускаться с мостика, но тут же вернулся.

– Сэр, мистер Огден стоит внизу и просит вас спуститься на минуту по исключительно важному делу.

Луи Огден и его жена Огаста, богатая Нью-Йоркская светская пара, занимавшая на «Карпатии» апартаменты первого класса, были хорошими знакомыми капитана. Сейчас они приютили у себя несколько потерпевших кораблекрушение дам, помогали разносить по кают-компаниям чай и кофе, пытались утешить и подбодрить несчастных.

– Мистер Хэнкинсон, мостик ваш!

– Айэ-Айэ, сэр!

Рострон быстро спустился по лестнице. Луи Огден, в гамашах и спортивном костюме, стоял внизу. Он быстро и горячо заговорил.

– Простите, капитан, что отрываю от работы, но я посчитал, что должен поставить вас в известность.

Ростон вопросительно посмотрел на Огдена.

– Знаете ли вы, что среди пассажиров «Карпатии» знаменитый Нью-Йоркский газетчик Карлос Херд с супругой?

– Кажется, припоминаю.

– Так вот, мистер Херд и его жена начали интервьюировать потерпевших крушение, расспрашивать о том, что случилось, и записывать их показания. Я покрутился рядом. Несчастные люди, в состоянии шока, наговорили бог весть что: как капитан Смит пытался влезть на шлюпку, и его отогнали веслами, как офицеры расстреливали пассажиров на «Титанике», как по-звериному вели себя люди. Я уверен, что все было не так, и несчастные потом пожалеют, что доверились этому типу. К тому же он, и особенно его супруга, настырно и навязчиво вызывают людей на откровение, а может даже и предлагают деньги. Несколько дам впали в истерику, а одна молодая женщина с двумя маленькими детьми потеряла сознание. Послали за доктором.

Рострон почувствовал, как наливается гневом.

– Мистер Биссет, – окликнул он офицера, отдающего распоряжение главному стюарду Хьюзу. – Мистер Биссет, проводите мистера Херда и его супругу в каюту. Все бумаги

в его апартаментах, исписанные или чистые – конфисковать!

– Айэ-Айэ, сэр!

– Благодарю вас, мистер Огден! А теперь, хорошо бы вам и миссис Огден немного отдохнуть. Мне бы хотелось, чтобы пассажиры, как можно скорее, покинули открытые палубы.

– Айэ-Айэ, сэр! – улыбнулся Огден.

Биссет вернулся бегом.

– Сэр, мистер Херд отказывается подчиняться, кричит, что он представитель свободной прессы Соединенных Штатов.

Голубые глаза капитана Рострона превратились в две холодные и острые льдинки.

– А это Британский корабль, и я на нем хозяин! Старшина!

Старшина отдал под козырек.

– Берите двух матросов. Мистера Херда арестовать за неподчинение законной власти, запереть в каюте вместе с женой. Поставить стражу. Все бумаги отобрать силой. Выполняйте!

– Айэ-Айэ, сэр! Старшина и два матроса помчались выполнять распоряжение.

– Мистер Биссет, возьмите ключ от моего сейфа, – капитан снял с шеи цепочку с ключом, – придется побеспокоить дам в моей каюте. Достаньте и принесите четыре револьвера: мне, вам, мистеру Дину и Мистеру Лайтоллеру.

Биссет смотрел на него с изумлением.

– Выполняйте!

– Айэ-Айэ, сэр!

– Капитан на мостике!

К Рострону подбежал третий помощник Эрик Риис.

– Сэр, из «вороньего гнезда» сообщают, что на расстоянии в десять миль к юго-юго-западу, параллельно нашему курсу, следуют два корабля – «Олимпик» и неопознанный корабль.

Несколько стюардов, под началом Харри Хьюза, стали уводить с открытых палуб пассажиров. Те неохотно, но подчинялись уговорам и увещеваниям.

Офицеры заняли свои посты на мостике и по периметру «Карпатии». «Почтенная леди» неслась на предельной скорости, мощно разрезая волны темно-серой кормой, обходя все еще попадавшиеся на пути обманчивые льдины. Наступили напряженные минуты ожидания. Все молчали. Посвященные в утреннюю драму в возбуждении ожидали дальнейшего развития событий. Те, кто не знал о происходящем, интуитивно чувствовали, что наступившее затишье предвещало грозу. Джеймс Биссет раздал личное оружие, как и было приказано, и на непосвященных это произвело гнетущее впечатление. Но никто не посмел обратиться к капитану за разъяснениями: у Рострона на корабле была жесткая дисциплина, его приказы не обсуждались.

Капитан Артур Рострон занял свое обычное место в самом центре мостика. Мысленно он проверял, все ли сдела-

но для успешного претворения в жизнь плана бегства «Карпатии», все ли детали учтены. Хотя, собственно, как можно учесть и предугадать все возможные ходы противника? Все равно придется импровизировать, действовать по обстоятельствам. Непременно придется! Его самая главная забота – это спасение пассажиров – и своих, и тех несчастных, с «Титаника». Самая главная забота... Он дал им слово капитана и морехода, что доставит их живыми и невредимыми домой. Он дал им слово... как всегда давал его Минни перед каждым рейсом – обо мне не беспокойся, со мной ничего не случится, я непременно вернусь к тебе.

А если не вернется? Что будет с Минни и с мальчиками? Его пенсии с зарплаты капитана небольшого пассажирского корабля им никак не хватит на достойное проживание. Зарплата Артура, твердо продвигавшегося по карьерной лестнице, все же не поспевала за растущим кланом маленьких Ростронов. Лишь недавно им удалось переехать в более просторный дом на окраине Ливерпуля. Его тесть, Ричард Стотерт, несколько месяцев назад забрал девятилетнего Роберта Джеймса к себе. Якобы, после смерти жены, матери Минни, ему, Ричарду, тоскливо жить одному. Как же одному, когда с ним живет овдовевшая дочь, старшая сестра Минни, и внучка-подросток? Понятно, что старый Ричард пытается помочь своей младшей любимой дочери красавице Минни, которой прочили прекрасное будущее и которую окружали богатые и именитые поклонники. А она почему-то вышла замуж за

второго помощника капитана Артура Рострона. Ради Минни Артуру пришлось наступить на собственную гордость и разрешить Ричарду забрать внука на несколько месяцев к себе. Ведь это Минни, а не ему, Артуру, приходится распределять семейный бюджет, заниматься мальчиками, их воспитанием, образованием.

Артур Рострон прожил жизнь в полном неведении о привлекательности и харизматичности своей собственной персоны, черты, которые отмечали почти все знавшие его люди. То, что ему удалось завоевать сердце Этель Минни Стоттерт, казалось ему чудом, очередным подарком Провидения. Минни... всегда веселая и радостная. Ни одного упрека, ни одной жалобы за все двенадцать лет, что они женаты. Минни... такая любимая и желанная. Каждое его возвращение домой, каждый отпуск – как медовый месяц. Будто и не было этих двенадцати лет.

Пальцы Артура в кожаных перчатках непроизвольно потянулись к поручням, еле заметно поглаживая железные перила.

Обнять ее, утонуть в медовых глазах, почувствовать ее запах, нежную кожу, вкус ее губ, услышать напряженное дыхание, прижать к себе ее податливое, трепещущее от желания горячее тело...

Артур вцепился в перила, едва успев подавить готовившийся вырваться стон.

«Я вернусь, Минни. Я не оставлю тебя и мальчиков. Я обя-

зан выиграть в этой неравной схватке не только ради тех, кто доверил мне свои жизни на этом корабле, но и ради тебя, моя любимая!»

На мостике появился Коттэм. С трудом отряхнув наваждение, капитан обернулся к нему.

– Сэр, маркониграмма от «Олимпика»: они возвращаются к прерванному маршруту в Европу.

– Вы передали им списки спасенных?

– Ды, сэр, как вы и велели, – добавил Коттэм, – растягивал как мог, но они не стали ждать списка имен пассажиров третьего класса и команды. Интересовались исключительно пассажирами первого и второго класса и спасенными офицерами.

Рострон усмехнулся: еще бы «Олимпику» интересоваться такой мелочью, как матросы, стюарды или бедняки из третьего класса.

– Чуть не забыл самое главное, сэр! «Олимпик» ожидает ответа на вопрос президента США Тэфта, находится ли на борту «Карпатии» майор Арчибальд Батт, друг президента.

И тут у Рострона мелькнула мысль.

– Мистер Коттэм, вы уже передали на «Олимпик» полный список спасенных пассажиров первого и второго класса. Сильно сомневаюсь, чтобы майор Батт путешествовал третьим. Игнорируйте вопрос, но попросите капитана «Олимпика» Хэддока от моего имени, чтобы связался с Кьюнардской «Франконией», это пассажирское судно, которое на-

правляется в Европу. Скажите, что я им назначаю randevу вот по этим координатам, – и он протянул Коттэму листок из своего блокнота, – чтобы передать оставшийся список спасенных пассажиров и команды, а также, и это самое важное, Коттэм, – уточненный список пассажиров первого класса.

– Будет сделано, сэр!

Координаты, переданные Ростроном «Франконии» через «Олимпик», были на равном расстоянии между Халифаксом и Нью-Йорком. Неизвестное судно, конечно же, прослушивает переговоры «Карпатии» с «Олимпиком». По переданным координатам для randevу невозможно решить, куда же направляется «Карпатия», а вот неудовлетворенный интерес президента США в судьбе друга еще может им сослужить хорошую службу.

– Сэр! – подбежал третий помощник Риис. – Из «вороньего гнезда» сообщили: «Олимпик» разворачивается, неопознанное судно прибавляет скорость.

– Мистер Риис, распорядитесь чтобы все члены команды на открытых палубах и в «вороньем гнезде» находились в полной готовности.

– Айэ-Айэ, сэр!

– Мистер Дин, 15 градусов лево руля, держать полный ход!

– Есть 15 градусов лево руля, держать полный ход!

На полном ходу, повернув на запад/юго-запад, «Карпатия», ровно через двадцать две минуты, исчезла в густом ту-

мане.

Глава 5. Гарпии в тумане

«Карпатия» исчезла в густом, как свежевзбитые сливки, тумане. Корабль прошел первые подступы к белому вареву на полном ходу, поэтому чувство было такое, что они нырнули в туман, как в омут.

– Малый ход, держать курс!

– Есть, малый ход, держать курс!

На мостике не было видно ничего на расстоянии пяти ярдов.

Видя, что никаких распоряжений больше не поступает, к капитану Рострону почти что наугад приблизился Эрик Риис.

– Сэр, начать подавать сигнальную сирену?

– Мистер Риис, вы слышали, чтобы я отдавал такое распоряжение?

– Нет, сэр! – и Риис тут же исчез с глаз долой в ответ на жесткий взгляд капитана.

Подать сигнальную сирену в тумане с периодичностью в несколько минут, чтобы избежать столкновения с другим кораблем при почти нулевой видимости, было обязательно. Непосвященным офицерам, да и членам команды оставалось только гадать, почему всегда дотошный Рострон в этот раз игнорирует одно из основополагающих правил судоходства.

– Мистер Биссет и лейтенант Лайтоллер!

Оба офицера, чуть ли не на ощупь проложили свой путь к капитану.

– Распорядитесь, чтобы все наши впередсмотрящие и «воронье гнездо» переключили зрение на слух. Сохранять полную тишину на открытых палубах, вслушиваться в любой шорох! Передайте по цепочке, иначе вам до кормы не добраться до завтрашнего дня.

– Айэ-Айэ, сэр!

– Режим полной тишины на палубах! Приказ капитана!

В наступившей тишине было слышно лишь шуршащие при малом ходе турбины «Карпатии» и плеск разрезаемых корпусом корабля океанских волн. Все офицеры и дежурные матросы напряженно вслушивались в белую бесконечность.

Из тумана вынырнула коренастая фигура Чарльза Лайтоллера.

– Коммандер Рострон, сэр, разрешите обратиться! – сказал он приглушенным голосом.

– Говорите, лейтенант Лайтоллер, – также тихо ответил Рострон.

– Гарольд Лоу сообщил, что Хитченс находится в депрессивном состоянии, много пьет. Тем не менее, часа два назад он вылез из своей берлоги в третьем классе, куда его определили на постой, и переговорил вот с этими двумя членами команды «Титаника». – Лайтоллер передал Рострону клочек бумаги. – Все трое казались подавленными и хмурыми, хотя это ни о чем не говорит: спасенным сейчас не до ве-

селья. Но все трое потом скрылись в каюте Хитченса. Лоу сообщил, что оба собеседника Хитченса были в «вороньем гнезде» во время столкновения с айсбергом: Фредерик Флит и Реджинальд Ли. – Лайтоллер красноречиво посмотрел на Рострона.

– Кажется, картина начинает проясняться. К сожалению, мой источник информации оказался прав, – как бы размышляя сам с собой, проговорил Рострон. – Ближе к вечеру мне будет необходимо...

Договорить он не успел.

Раздался пронзительный свистящий звук и через несколько секунд оглушительный взрыв по правому борту. На мгновение офицеры на мостике почти что оглохли. Одновременно их обдало фонтаном брызг, и огромной волной «Карпатию» сильно накренило по правому борту. Правый борт ухнул в пучину, а потом высоко задрался вверх. Офицеры и матросы еле удержали равновесие, вцепившись в поручни.

Капитан Рострон мгновенно выхватил мегафон из рук Биссета, стоявшего рядом.

– Всему экипажу! Сохранять спокойствие! Принять меры предосторожности, зафиксировать свое положение! – его голос звучал энергично, но спокойно.

– Сохранять режим тишины!

– Мистер Риис! Поставить охрану на всех доступах пассажиров на открытые палубы!

– Айэ-Айэ, сэр!

– Перелет, – шепнул он Лайтоллеру, – стреляют вслепую. – И в мгновение ока, несмотря на туман, оказался около рулевого в рубке.

– Пятнадцать градусов право руля, малый ход!

– Есть пятнадцать градусов право руля, малый ход!

«Карпатия», неловко переваливаясь на волнах, повернулась в сторону происшедшего взрыва и направилась прямо в его эпицентр.

– Что он делает! – зашептал Биссет Лайтоллеру. – Мы движемся прямо по звуку взрыва!

– Все правильно делает! – также шепотом ответил ему Лайтоллер. – Бьют вслепую, поэтому будут обстреливать верером. Наш единственный шанс – это следовать за уже произведенным взрывом!

Не успел он закончить фразу, как пронзительный свист разрезал воздух, сильный взрыв прогремел где-то уже по левому борту, и у самого носа «Карпатии» поднялся целый гейзер. «Карпатию» сильно накренило влево. Большой волной, частью вкатившейся на мостик, Джеймса Биссета сбilo с ног и он соскользнул к краю мостика, чуть не пробив тяжестью своего тела парусиновый обвес. Через мгновение он бы вылетел за борт, но сильная рука Чарльза Лайтоллера во-время успела схватить его за поднятый воротник кителя и поставила на ноги.

– Я у вас в долгу! – прохрипел Биссет. Лайтоллер только отмахнулся.

– Десять градусов лево руля, держать курс! – командовал тем временем капитан Рострон спокойным и звонким голосом.

– Есть десять градусов лево руля, держать курс!

– Мистер Барниш!

С трудом удерживаясь на ногах на качающейся палубе, четвертый помощник капитана добрался до рубки.

– Прикажите отвязать четыре наши шлюпки и постарайтесь спустить их с кормы так, чтобы они перевернулись. Выполняйте!

– Айэ-Айэ, сэр! – Джеффри Барниш, в полном недоумении от всего происходящего, исчез в тумане.

«Карпатия», вновь совершив зигзаг, повернулась носом уже в левую сторону, отводя корму до предела вправо. И во-время! Очередной отвратительный свист, и следующий взрыв, поднявший вулканический выброс воды, прогремел уже там, где только что находилась ее корма. Палубы облизнуло огромной волной, но стоявшие на корме офицеры и члены команды уже успели зафиксироваться. Сильно раскачиваясь, «Карпатия» продолжала идти малым ходом. Ни офицеры, ни экипаж не издавали ни звука. Происходило что-то очень странное и страшное, но веру команды в капитана Рострона ничто не могло поколебать.

– Двенадцать градусов право руля, держать скорость!

– Есть, двенадцать градусов право руля, держать скорость!

«Карпатия», снова вильнув кормой, совершила очередной зигзаг. На мостике услышали всплески падающих с кормы шлюпок. Наступило затишье, все напряженно замерли.

И тут раздался резкий звук сигнальной сирены, и, почти что на расстоянии вытянутой руки, из молочного варева, как в кошмарном сне, навстречу «Карпатии» медленно выплыл корпус огромного промыслового парусника. Прежде, чем офицеры на мостике успели ахнуть, выхватив штурвал у Фицпатрика, капитан Рострон повернул его до отказа вправо, навалившись на него всем телом.

– Полный вперед!

– Есть полный вперед!

«Карпатия», под напором заработавших в полную мощность турбин и повинувшись штурвалу, с огромным напряжением преодолела инерцию своего движения, развернувшись на правый борт. Офицеры на мостике затаили дыхание. Два корабля разминулись в нескольких ярдах, казалось можно было свободно перепрыгнуть с одного борта на другой. Неминуемого столкновения удалось избежать!

– Какого дьявола! – заорали с парусника в мегафон, и разразились трехэтажной морской бранью. Капитан Рострон даже бровью не повел.

– Такого шкипера поискать! – тихо сказал Лайтоллер своему приятелю Дину.

– А то! – гордо улыбнулся Хоррэс Дин.

Капитан Рострон вышел из рубки.

– Мистер Дин, верните корабль на прежний курс, продолжайте идти малым ходом.

– Айэ-Айэ, сэр!

На паруснике никак не могли успокоиться.

– Какого черта здесь происходит, кто стрелял боевыми снарядами?! – продолжая орать в мегафон и сигналить сиреной, огромный парусник скрылся в тумане.

– Мистер Биссет, распорядитесь включить сигнальную сирену. Этот шумный китобойный парусник сослужил нам прекрасную службу. Неприятель теперь не уверен, кого он обстреливал, и понятия не имеет, где мы находимся. Искать нас в тумане они не будут, смысла нет. Стреляли наугад, на всякий случай. Есть небольшая надежда, что они могут наткнуться на наши шлюпки и предположить, что достали нас, но я бы не стал на это сильно рассчитывать.

– Айэ-Айэ, сэр!

Рострон перевел дух.

– Мистер Хэнкинсон, режим тишины отмените через полчаса, но пассажиров на открытые палубы не выпускать.

– Айэ-Айэ, сэр!

– Старшина! Попросите мистера Хьюза подняться на мостик.

– Айэ-Айэ, сэр!

Хватаясь за поручни, на мостик вскарабкался старший стюард Харри Хьюз.

– Мистер Хьюз, распорядитесь приготовить четырех по-

гибших матросов к погребению. Я проведу службу ровно в четыре часа, и мы предадим тела морю, – Рострон коротко, но тяжело вздохнул.

– Слушаюсь, сэр!

– Далее. Пошлите помощников в гостиные и столовые всех трех классов и поручите им довести до сведения пассажиров – наших и принятых на борт, что «Карпатия» в тумане попала в сферу активности промыслового парусника. Объясните, что они глушили рыбу и тунца взрывными зарядами, и мы попали под их волну. Скорее всего, промышляли нелегально, потому и занимались этим в тумане.

Хьюз вопросительно смотрел на капитана, прекрасно понимая, что эта байка может удовлетворить только самых несведущих и наивных. Однако, задать вопрос по существу не посмел.

– Передайте им, что никакая опасность «Карпатии» не угрожала, равно, как и нам не было нанесено никакого урона.

«Ну, хоть что-то соответствует действительности», – подумал Рострон. Расчет капитана был на состав его аудитории: измученных женщин и детей и опустошенных апатичных мужчин. – «Конечно, таких как Херд так просто вокруг пальца не обведешь, но, до поры до времени, пусть думает, что хочет».

– Слушаюсь, сэр! – старший стюард отправился выполнять поручение.

Биссет вопросительно посмотрел на капитана. Рострон

понял его взгляд.

– Непосвященным офицерам и команде я лгать не буду. Никаких объяснений.

Продолжая подавать регулярный душераздирающий вой сирены, «Карпатия» медленно продвигалась по намеченному маршруту. Ровно в четыре часа пополудни, на корме, в присутствии офицеров «Титаника», Биссета, Хьюза, старшего казначея Брауна и доктора Арпада Лендъела, капитан Рострон провел короткую морскую службу отпевания над четырьмя погибшими матросами «Титаника». Этой привилегией капитана судна – быть еще и капелланом – Рострон пользовался впервые, он был бледен, в глазах его стояли слезы. Укутанные в саван тела были преданы океану и, исчезнув в тумане, с тихим всплеском присоединились к бессмертному экипажу теперь уже небесного лайнера.

– Капитан на мостике!

– Все хорошо, – отрапортовал Хоррэс Дин, пользуясь стандартной морской формулировкой, которая, в данных обстоятельствах, прозвучала довольно двусмысленно, – следуем намеченным курсом.

Следующие несколько часов прошли, как ни странно, спокойно. В тумане они благополучно разминулись с двумя мелкими рыболовецкими шхунами. Правда стюарды докладывали, что пассажиры «Титаника» вздрагивают от каждого воя сирены.

Темнело, когда на мостике снова появился Харри Хьюз.

– Сэр! У нас проблема!

«Неужели! – с иронией подумал Биссет. – Вот хорошо, а то, того гляди, заскучаем!»

– В чем дело, мистер Хьюз?

– Две молодые женщины из спасенных, сэр! Эээ ... не могут поделить младенца, обе утверждают, что это их сын... эээ.. требуют вас, сэр!

Рострон на мгновение воззрился на Хьюза, не ослышался ли он. Только соломоновой роли ему и не хватало!

– Они вас ждут в моей каюте, сэр! Обе очень взволнованы, на грани срыва. Я послал за доктором Ризикато: они пассажирки второго класса, и одна из них итальянка.

– Мистер Дин, мостик ваш! – и капитан Рострон без особого энтузиазма проследовал за старшим стюардом.

В каюте Хьюза было душно и шумно. Поближе к небольшому столику, на стуле с высокой спинкой, безмолвно сидела худенькая рыжеватая некрасивая молодая женщина лет двадцати пяти – двадцати восьми. Ее взволнованное бледное лицо было покрыто красными пятнами. Она прижимала к груди ребенка, одетого в теплый атласный костюмчик голубого цвета. Ребенок захлебывался от крика и плача.

«Малышу месяца два-три», – опытным глазом определил Рострон, – «Судя по цвету костюмчика, скорее всего, мальчик».

На небольшом обивном диванчике напротив доктор Витторио Ризикато с трудом удерживал за плечи молодую брю-

нетку с горящими глазами и распатланными длинными волосами. От продолжительного крика и плача она хрипела посаженным голосом:

– Э мио бамбино! Э мио бамбино! Дамми мио фильо! Ладра! Ладра!

Все было ясно и без перевода. Доктор Ризикато старался заставить молодую женщину выпить успокоительное, но та, извиваясь и пытаясь вырваться, все отталкивала его руку, расплескивая содержимое. Когда капитан вошел в каюту в сопровождении Хьюза, она на мгновение умолкла, но тут же закричала еще громче, протягивая руки к Рострону и раскачиваясь из стороны в сторону.

Рострон снял фуражку и сел за столик, Хьюз пристроился около двери.

– Здравствуйте, я капитан этого судна Артур Генри Рострон. Для начала, давайте все успокоимся. – И капитан протянул обе руки к кричащему ребенку. После секундного колебания, женщина отдала ему мальчика, и Рострон устроил его поудобнее на левой руке. Мальчишка мгновенно умолк, заулыбался и стал с интересом вертеть белую пуговицу на кителе капитана.

От того, что мальчика передали капитану, молодая итальянка несколько успокоилась и притихла. Доктору Ризикато удалось заставить ее отхлебнуть несколько глотков лекарства.

– Доктор Ризикато, переводите, пожалуйста, пока я буду

проводить расследование.

– Да, сэр!

– Миссис...? – и Рострон повернулся к рыжеватой молодой женщине.

– Джудит Фельцман, – в отличие от итальянки, ее побелевшие губы едва шевелились.

– Миссис Фельцман, это ваш ребенок?

Она еле заметно кивнула.

– Ладра! Бугьярда! (Воровка! Лгунья!) – снова завопила итальянка, но умолкла под строгим взглядом капитана.

– Миссис Фельцман...

– Мисс... я не замужем.. Но это мой ребенок! – умоляюще воскликнула женщина, и по ее щекам потекли слезы.

– Мисс Фельцман, – мягко сказал Рострон, – сколько лет ребенку и какого он пола? Как его зовут?

– Мальчик, Айзек, так звали моего отца, – прошептала она и на мгновение запнулась, – ему полгода.

Рострон встrepенулся.

– Шесть месяцев? – уточнил он.

– Да.

– Мисс Фельцман, – еще мягче произнес Рострон, – этому мальчику никак не больше трех месяцев.

– Откуда вам знать?!

Рострон только улыбнулся и посмотрел на доктора Ризикато. Тот утвердительно кивнул.

Джудит Фельцман продолжала тихо плакать.

– Синьора...?

– Антонелли! Мария Антонелли! – затараторила с возбуждением молодая итальянка. – Мы с мужем эмигранты, из Катаньи, плыли к родственникам в Нью-Йорк. Мой муж погиб на том ужасном корабле! – зарыдала она. – Мой Сальваторе, Тото – это все, что у меня осталось! – захлебнулась она в рыданиях.

– Синьора Антонелли, пожалуйста успокойтесь. Расскажите, при каких обстоятельствах вы потеряли мальчика?

– Меня усадили в самую последнюю лодку! На палубе была страшная паника, пароход уже накренился. Меня и мужа разъединила толпа! Я даже не успела с ним попрощаться! – зарыдала женщина. – Опускали одновременно две последние лодки, я никак не могла спуститься с ребенком в руках, мешал спасательный пояс. Один из матросов предложил поддержать мальчика, пока я сяду. Но когда я спустилась вниз и обернулась, его уже не было, и не было моего Тото! Я рвалась наверх, но меня не пустили! Я не помню ничего из того, что случилось после, не помню, что было в шляпке, или как нас подобрал ваш корабль. Я только рыдала и молила Деву Марию и нашего Спасителя, чтобы вернул мне мое дитя!

Мария Антонелли в полуобмороке откинулась на спинку диванчика. Доктор Ризикато прыснул на нее водой и стал легко похлопывать по щекам. Наконец, она смогла продолжить.

– Спаситель услышал мои молитвы, он вернул мне То-

то, но она! – и тут Мария неожиданно рванулась к Джудит, и только быстрая реакция доктора Ризикато предотвратила неминуемую драку.

Словно услышав имя Господа, Джудит востепенелась.

– Господь дал мне этого ребенка. Когда я садилась в последнюю лодку, он протянул мне дитя со словами: это сирота, теперь ты его мать! – и Джудит вновь тихо заплакала.

Рострону все стало ясно. В панике матрос с ребенком потерял Марию Антонелли из виду, либо лодку спустили очень быстро, и, чтобы спасти ребенка, он отдал его первой попавшейся молодой женщине, скорее всего, сидевшей во второй лодке. Но этих дидактических заключений было недостаточно для принятия окончательного решения.

– Есть ли у мальчика на теле какие-нибудь родинки, отличительные метки?

Джудит Фельцман медленно, но отрицательно покачала головой.

Глаза Марии Антонелли загорелись надеждой.

– Есть! – радостно закричала она. – У него на попке должен быть маленький шрам! Моя тетка Лючия, старая ведьма, поранила ногтем, когда помогала мне пеленать! Совсем недавно! – она с надеждой смотрела на Рострона, подавшись вперед.

Рострон осторожно уложил мальчика на животик, продолжая поддерживать его левой ладонью, и ловко спустил с него брючки и штанишки. Ребенок счел это игрой и весело за-

гугукал. На розовой попке отчетливо виднелся белый полукруглый шрам.

Артур Рострон вздохнул с облегчением, натянул брючки на Тото (теперь уже было ясно, что так его и звали) и, встав, торжественно передал его матери.

– Это ваш сын, синьора Антонелли!

Тото, разлученный с вожденной пуговицей, вновь расплакался. Прижав его к груди, и осыпая поцелуями маленькое личико, ему вторила мать.

Наконец, она оторвалась от сына и собралась было повестись на шею капитана, но Артур быстро протянул ей руку. Однако вместо того, чтобы ее пожать, Мария горячо ее поцеловала. Артур только ахнул.

– Да благословит вас Господь и Святая Дева Мария, синьор капитан! – наконец, доктору Ризикато удалось увлечь Марию с ребенком к двери, и они ушли.

Джудит Фельцман, закрыв лицо руками, тихо плакала. Рострон подал знак Хьюзу, чтобы тот вышел.

– Мисс Фельцман, вы ни в чем не виноваты, – мягко произнес он, придвинув стул поближе к ней. – Произошла ошибка и неразбериха. Вы поступили замечательно, позаботившись о ребенке!

Молодая женщина, всхлипывая, оторвала руки от лица. Ее заплаканные глаза встретились с мягким и понимающим взглядом капитана. В каюте больше никого не было.

– Вам этого не понять... сэр, – Джудит вспомнила, как

необходимо обращаться к капитану корабля, – мне уже почти тридцать, я некрасивая, да-да, некрасивая, – повторила она, в ответ на протестующий жест Артура, – старая дева. У меня никогда не будет ни семьи, ни детей, и... , – она снова горько заплакала, – я и вправду поверила, что Бог подарил мне это дитя, что ..., – она остановилась от спазма в горле и закашлялась.

Артур быстро налил воды в стакан из графина и, поддерживая Джудит за затылок, помог сделать ей несколько глотков. Снова сев рядом с Джудит, Артур взял ее неожиданно хрупкие руки в свои.

– Мисс Фельцман, – мягко и даже нежно сказал он, – вы почему-то решили напридумать себе свое будущее, хотя, судя по вашим словам, вы верите в Создателя. Разве вы не знаете, что пути Господни неисповедимы? Что самое прекрасное и замечательное может с вами случиться в следующую минуту, час, день? Вашим поступком и заботой об осиротевшем ребенке вы доказали свою человечность. А тем, что вы решили отдать мальчика его матери...

При этих словах Джудит виновато вздохнула.

– Да-да, вы ведь не протестовали, когда я передавал его матери, значит поддержали мое решение. Так вот, этим поступком вы доказали свою честность и порядочность. Значит на то была воля Всевышнего, чтобы вы прошли через это испытание, и доказали, что вы достойны быть матерью! Вам был указан путь, по которому надо идти.

Джудит перестала всхлипывать и недоуменно взглянула Артуру в глаза.

– На свете столько сирот, – горячо продолжил он, – у которых нет никого. По нашем прибытии в Нью-Йорк, возьмите из приюта маленького мальчика, ведь вы же собирались оставить Тото себе. Я напишу для вас рекомендательное письмо. Из вас получится замечательная мать! Оставьте с мистером Хьюзом ваши координаты...

Дверь распахнулась, и в каюту влетел Джеймс Биссет.

– Сэр, – выдохнул он, – туман становится реже, из «вороньего гнезда» обнаружили приближающееся с севера судно!

Рострон быстро встал и, приподняв фуражку, попрощался с Джудит Фельцман. Перед самым выходом, она его окликнула. Джудит улыбалась.

– Капитан Рострон, сэр. Насчет того, что прекрасное может случиться с нами в любую минуту. Я просто хочу вам сказать, что оно только что со мной случилось.

Глава 6. «Спрут»

Из «вороньего гнезда» поступило сообщение о приближении с севера неизвестного судна. Туман рассеивался. Было уже темно.

– Капитан на мостике!

Хоррэс Дин продолжал вести корабль. Припав к биноклям, Рострон, Биссет и Лайтоллер пытались разглядеть очертания незнакомого корабля сквозь рассеивающуюся дымку тумана.

– Сколько же у него мачтовых огней? – с нетерпением проговорил Рострон.

– Четыре! Четыре мачты, сэр! – радостно воскликнул Биссет, – это не наш неприятель, да и идет он с севера!

– Это если предположить, что у нас только один неприятель.

– Да, сэр, – радость Биссета как рукой сняло.

– Мистер Риис, что там в «вороньем гнезде»?

– Они видят не больше нашего, сэр! Темно!

– Мистер Дин, прибавьте скорость до 10 узлов.

– Есть прибавить скорость до 10 узлов!

Пользоваться передатчиком «Маркони» Рострон не хотел, их координаты легко могли бы засечь.

– Мистер Барниш!

– Да, сэр! – четвертый помощник подбежал к капитану.

– Просигнальте лампой Морзе кораблю, идущему с севера: «Говорит королевское почтовое судно «Карпатия», Кьюнардское пароходство. Назовите себя. Капитан Рострон».

– Айэ-Айэ, сэр!

Джеффри Барниш считался на «Карпатии» одним из лучших сигнальщиков Морзе. Взяв в руки сигнальную лампу он передал послание капитана три раза.

Затаив дыхание, все, кроме Дина, офицеры «Карпатии» замороженно вглядывались в огни незнакомого корабля. Прошло четверть часа. Наконец, на незнакомце замигала сигнальная лампа: «Рострону. Отвечает грузовой пароход

«Бирма», Русско-Американское пароходство. Капитан Стулпинг».

На мостике раздался многократный вздох облегчения. «Бирма» продолжала сигналить. «Рострону. Ответьте на радиограмму. Легче, чем сигналить. Стулпинг».

«Стулпингу. Наш аппарат Маркони не совместим с вашей системой. Рострон».

«Рострону. Вы следуете в эпицентр шторма З/ЮЗ, 10 баллов. Знаем о «Титанике». Шли на помощь. Сколько спасенных? Не нужно ли содействие? Стулпинг».

«Стулпингу. О шторме известно. Идем в Халифакс. Благодарю. Конец связи. Рострон».

– Мистер Барниш. Выключите сигнальную лампу.

– Айэ-Айэ, сэр!

На «Бирме» посчитают его невоспитанным фанфароном, но лишней информацией лучше не делиться.

– Мистер Риис. Вы отвечаете за «воронье гнездо». Мистер Биссет, оставайтесь рядом с мистером Дином. Ваше сверхзоркое зрение нам сейчас нужно, как никогда. Сообщайте мне немедленно о малейшем изменении обстановки. Я буду в каюте мистера Хьюза.

– Айэ-Айэ, сэр!

– Лейтенант Лайтоллер, приведите мистера Хитченса в каюту мистера Хьюза через четверть часа.

– Слушаюсь, командер Рострон, сэр!

Через пятнадцать минут в каюту старшего стюарда Хьюза

вошли Хитченс и Лайтоллер. Там их ждал капитан Рострон. На двери висела табличка «Просьба не беспокоить». Их беседа продолжалась не менее двух часов. По прошествии этого времени, из каюты вышел Лайтоллер, за ним следовал по-нурый Хитченс. Через некоторое время Лайтоллер вернулся с Фредериком Флитом. Разговор с Флитом был покороче, и через час его сменил Реджинальд Ли.

Около полуночи Рострон и Лайтоллер остались одни. Бывший второй помощник капитана «Титаника» молчал, его лицо оставалось непроницаемым. Рострон покусывал край губы. Это было признаком того, что он раздумывал над планом действий. Встрепенувшись, он вынул из кармана кителя портсигар и предложил Лайтоллеру. Оба курили в полном молчании еще минут десять. Наконец, Лайтоллер не выдержал.

– Вся эта история настолько же невероятна, насколько ужасна. Вы верите этим троицам? – хрипло спросил он.

Рострон кивнул.

– Увы. У меня есть для этого веские основания: дополнительные показания еще одного косвенного свидетеля.

– Мистера Исмея?

– Вы проницательны, мистер Лайтоллер!

– Благодарю, – усмехнулся Лайтоллер, – в контексте легенды о ложной страховке без мистера Исмея им было не обойтись. Вы уверены, что он сам ни в чем не замешан?

– Да, уверен. Он случайно узнал о заговоре от несчастного

Мердока, и все трое сегодняшних свидетеля подтвердили, что не встречались и не разговаривали с мистером Исмеем на борту «Титаника». Кроме того, а мне кажется, что в людях я разбираюсь неплохо, для роли если не организатора, то хотя бы и дирижера такой грандиозной авантюры он не походит.

– Трусоват? – ухмыльнулся Лайтоллер.

– Именно.

Рострон вздохнул.

– А это означает, что, по сравнению с нашим противником, мистер Исмей – мелкая рыбешка, и ею могут пожертвовать в любой момент, так же, как и всеми нами.

Они снова помолчали. Две сигаретные дымки тянулись вверх.

– Быстро же они раскололись. Хотя с Хитченсом пришлось повозиться.

– Они прекрасно понимают, что теперь я – их единственная защита. Тем более, после сегодняшнего обстрела. Валять дурака не было никакого смысла, после того, как они выяснили, что мне все известно. Вернее, почти все.

– А вы прекрасно напустили им туману! Они ушли в полной уверенности, что вам известно абсолютно все.

– Да уж! Туману у нас сегодня было предостаточно!

– Хорошо, что вам удалось убедить их написать показания, причем, каждого в отдельности. Это была прекрасная идея. Но как вы собираетесь ими воспользоваться?

– Посмотрим. Благодарю вас, что вместе со мной подпи-

сали их как свидетель.

Лайтоллер только махнул рукой.

– У вас возникли какие-нибудь предположения по поводу главы заговора?– спросил он. – Давайте назовем его «Спрутом»!

Рострон улыбнулся.

– Забавно. Нет, но у меня возникла идея, как напасть на его след.

– В самом деле?!

– Да. Вы уже были у мистера Исмея?

– Мне казалось, что к нему никого не пускают?

– В таком случае, самое время нанести ему визит.

Рострон встал и оглянулся вокруг.

– Ну и напустили же мы дыму бедному мистеру Хьюзу!

Он у нас некурящий.

Минут через десять капитан Рострон и Чарльз Лайтоллер постучали в дверь каюты доктора МакГи, на которой тоже висела табличка «Просьба не беспокоить». Дверь немного приоткрылась и в нее выглянул доктор. Выражение его усталого лица было гневно-суровым, но тут же сменилось на жалобное.

– Это вы, капитан! – и МакГи тут же осекся, увидев Лайтоллера.

– Мистер Лайтоллер в курсе, не беспокойтесь. Нам нужно срочно переговорить с мистером Исмеем. Надеюсь, он еще бодрствует?

– Если это можно назвать бодрствованием, – и доктор МакГи, пропустив гостей в каюту, жестом указал им на Брюса Исмея.

Тот сидел на краю койки, одетый в пижаму доктора, и смотрел куда-то вдаль, почти не шевелясь.

– Мне ведь надо заниматься и другими пассажирами! – с места в карьер начал жаловаться доктор МакГи. – Например, леди Астор в положении, как вы, наверное, заметили. Первый ребенок и такой стресс! Пришлось периодически оставлять с мистером Исмеем сиделок и бегать в вашу каюту к леди Астор. Хорошо еще, что, в основном, физическое состояние спасенных довольно приличное. Но все равно часть работы пришлось спустить на докторов Ризикато и Лендъела, они мне очень помогли.

Рострон одобрительно кивнул.

– Я опасаясь передозировки опиатами, и решил больше их не давать, а без успокоительных он не может расслабиться или отдохнуть. Хотел отвлечь его и позвал Джека Тэйэра, сына миссис Тэйэр, но мистер Исмей на него никак не отреагировал, несмотря на все попытки юноши. Кстати, а что за канонада случилась днем? На нас и в самом деле напали?!

Рострон коротко кивнул. Доктор МакГи ахнул.

– Не беспокойтесь, мы ушли от погони, уйдем и еще раз, если понадобится.

В это время, Брюс Исмей, узнав голос капитана Рострона, встрепенулся.

– Капитан Рострон, сэр! Нас обстреляли, да?!

Доктор МакГи подошел к магнату, проверил у него пульс, и утвердительно кивнул капитану Рострону, что беседу можно продолжить.

– Не волнуйтесь, мистер Исмей. Реальной опасности не было. Мы придем в Нью-Йорк целыми и невредимыми. Я в этом уверен.

Внезапно Брюс Исмей увидел за спиной у капитана Рострона Чарльза Лайтоллера и резко повернулся к Рострону с вытянутым лицом.

Капитан присел на стул рядом с койкой больного.

– Лейтенант Лайтоллер в курсе происходящего. Я ему полностью доверяю. Только что мы провели долгую беседу с рулевым и двумя матросами из «вороньего гнезда» погибшего корабля. Все трое признались в участии в этой грандиозной авантюре, которая на деле обернулась ужасным преступлением.

– Они называли меня?

– Нет. Они общались только с мистером Мердоком, а тот сослался на руководство «Белой Звезды», не называя имен. Лишь ему «наниматели» указали на ваше участие в заговоре, в качестве ложного следа.

Брюс Исмей тяжело вздохнул и попросил стакан воды. Лайтоллер устроился на стуле чуть позади капитана Рострона.

– Мистер Исмей. Я уверен, что смогу довести корабль до

порта в полной сохранности. Это не похвальба. На море я в своей стихии, и черта с два меня кто-нибудь сможет переиграть. Но мне необходимо еще и придумать, как обезопасить всех посвященных в эту кошмарную историю, после того, как мы пришвартуемся. А для этого мне совершенно необходимо узнать, или хотя бы угадать, главу заговора, которого мы с лейтенантом Лайтоллером решили назвать «Спрутом».

– Я понятия не имею... – начал было Исмей, но Рострон не дал ему договорить.

– Мистер Исмей, вспомните, кто из известных и влиятельных людей приобрел билеты на первый рейс «Титаника», но отменил заявку перед самым отплытием? Наверняка, вы обсуждали это в кают-компании, либо за обеденным столом капитана.

Брюс Исмей, сначала недоуменно, а потом с восхищением взглянул на капитана. Как же ему самому не пришла в голову такая простая мысль! Он потер лоб, стараясь сосредоточиться.

– Писатель Теодор Драйзер, – Брюс Исмей стал медленно разгибать пальцы, – сталелитейный барон мистер Генри Фрик, шоколадный барон мистер Мильтон Хершли. Тут он замолчал и воззрился на Рострона в недоумении.

– Мистер Гульелмо Маркони, вместо «Титаника», отплыл в Нью-Йорк на «Лузитании» двумя днями раньше. А вот мистер Альфред Вандербильт, владелец пароходов и железных дорог, вернул свой билет почти перед самым рейсом.

Капитан Рострон нахмурился.

– Больше вы никого не припоминаете?

Брюс Исмей медлил. Наконец, он произнес нехотя, словно кто-то клещами вытягивал из него слова.

– Мистер Джей Пи Морган, отменил билет перед самым рейсом, чтобы продлить свой отдых в Альпах.

Все молчали, капитан Рострон неслышно постукивал козырьком фуражки по ладони.

Джон Пьерпонт Морган, так называемый «Наполеон Уолл-Стрита», владелец банков, компании «Дженерал Электрик», сталелитейной корпорации «ЮЭС Стил», и... владелец контрольного пакета акций компании «Белая Звезда».

Брюс Исмей, угадав значение всеобщего молчания, горячо заговорил:

– Мистер Морган известный филантроп, прекрасный человек! Кроме того, он почти что единолично спас фондовую биржу США в 1907 году, основав Банк Федерального Резерва!

– То есть, – тихо ответил Рострон, – мистер Морган имеет отношение к фондовой бирже США, торги которой, как вы сами указали мне утром, открылись именно сегодня.

Брюс Исмей замолчал.

– Мистер Исмей. В нашем положении я не имею права на ошибку. Быть может мне и удастся прицельно выстрелить, фигурально выражаясь, конечно, – добавил Рострон, заметив округлившиеся глаза Брюса Исмея, – но только раз. Если

вам известно что-нибудь еще, я вас убедительно прошу этой информацией поделиться. Как вы сами понимаете, остальные здесь присутствующие имеют очень отдаленное представление о финансовых воротах мира сего.

– Я вас предупреждаю, что это – всего лишь слухи! – наконец, ответил Исмей. – Но существует мнение, что лорд Астор, мистер Штраус и мистер Гуггенхайм собирались предпринять шаги против Банка Федерального Резерва США. И еще... мистер Морган снял с «Титаника» свою бесценную коллекцию картин, которую он собирался отправить в Нью-Йорк.

Вновь воцарилось молчание.

– Мистер Исмей, – капитан Рострон старался говорить очень убедительно, – для всех спасшихся с «Титаника», команды «Карпатии» и, может быть, ее пассажиров, их близких, очень важно, чтобы вы дали письменные показания по поводу общения с мистером Мердоком. Я только прошу вас изложить факты, никаких домыслов или предположений, только что прозвучавших. Мы, все присутствующие, подкрепим ваши показания своими подписями. Это чрезвычайно важно. – И капитан Рострон сделал ударение на слове «чрезвычайно».

Брюс Исмей устало кивнул.

– Я понимаю, и я сделаю все, что смогу.

– Благодарю вас. Садитесь, пожалуйста, за столик доктора МакГи. Вот вам бумага и ручка. – капитан Рострон вынул из

внутреннего кармана кителя чернильную авторучку. Его лицо прояснилось. – Подарок жены. Ее уверяли, что это новая, непротекающая модель.

Брюс Исмей пересел за столик доктора и, склонившись над листками бумаги с логотипом «Карпатии», задумался.

В дверь постучали, и доктор МакГи вышел. Через минуту он вернулся.

– Мистер Хьюз, сэр. Просит вас уделить несколько минут «Комитету спасенных», они вас ждут в кают-компании первого класса.

– «Комитет спасенных»? – недоуменно переспросил Рострон.

– Да, сэр. Я слышал, что несколько человек из пассажиров «Титаника» организовали «Комитет спасенных» для оказания поддержки и помощи неимущим пострадавшим. Кажется, во главе с Миссис Маргарет Браун и полковником Грейси.

Имя Маргарет Браун всегда вызывало у Рострона улыбку. Уж очень колоритная, судя по всему, была дама!

Оставив Брюса Исмея на попечение доктора МакГи и Чарльза Лайтоллера, капитан Рострон последовал за старшим стюардом в кают-компанию первого класса. Там его ожидали шестеро членов новоиспеченного комитета.

– Дорогой мой капитан Артур Рострон! Вы – самый великий человек на свете! – прогудела низким контральто высокая и статная дама средних лет, одетая в странный костюм –

вечернее платье и жилет, подбитый мехом.

Рострон почувствовал, что беспомощно и неумолимо заливается краской. Он совершенно не привык к такому публичному и чрезмерному восхвалению! И тут же оказался в железных объятиях обладательницы контральта, знаменитой миссис Маргарет Браун.

– Как вы мило краснеете! – снова прогудела неумолимая миссис Браун и увлекла Рострона к группе джентльменов, которые устроились на расположенных полукругом мягких диванах. – Нам все известно о вашей героической гонке между айсбергами! Нам рассказали ваши матросы и стюарды. Вы – настоящий герой, они вами так гордятся! Если бы не вы, мы все бы погибли, все до одного!

Артур Рострон пожал руки присутствующим мужчинам.

– В-вы х-хотели меня в-видеть, – Рострон заикался в первый раз в своей жизни!

Видя явное смущение капитана и краску, в которую его вогнала восторженная миссис Браун, полковник Грейси взял инициативу в свои руки.

– Да, сэр. Мы хотели бы получить ваше согласие и одобрение на кое-какую деятельность, которой наш комитет хотел бы заняться на «Карпатии» до прибытия в Халифакс. Мы ведь идем в Халифакс?

Вместо ответа Рострон присел на краешек дивана, рядом с полковником.

– Вот два первоочередных согласованных пункта нашей

программы. Нам бы хотелось, чтобы вы их одобрили.

– Я вас слушаю, – Рострон немного успокоился, и его щеки стали приобретать обычный, бронзовый от загара, оттенок.

– Мы бы хотели собрать средства среди выживших пассажиров первого и второго класса для бедных эмигрантов, которые, конечно же, потеряли в кораблекрушении абсолютно все. Для этой цели нам необходим список спасенных пассажиров третьего класса.

Рострон кивнул.

– Очень благородно с вашей стороны.

– Далее, нам бы хотелось наградить вас, офицеров и всю команду «Карпатии»...

– Только не меня! – воскликнул Рострон, и вскочил на ноги.

– ... памятными медалями. Для этого нам нужен список команды «Карпатии», если это возможно.

– Обратитесь от моего имени к старшему стюарду Хьюзу, он предоставит вам оба списка.

– Благодарю вас, сэр! Означает ли это, что вы разрешаете нам общаться с пассажирами «Титаника», собирать и распределять средства?

– Я разрешу вам заниматься этой деятельностью, после того, как вы предоставите мне список членов комитета с подписью каждого из вас. Передайте этот список мистеру Хьюзу. От своего имени хочу выразить огромную благодарность

за вашу доброту и заботу о нуждающихся.

Артур Рострон откланялся и направился к выходу из кают-компания. В это время «Карпатию» накренило по левому борту. Позади него раздались возгласы. Чувствовалось, что волнение на море усиливается.

«Черт побери! О чем это Дин там думает!» – и Рострон поспешил на мостик.

Для этого ему нужно было пройти через длинный коридор первого класса, отделявший кают-компанию от лестницы, ведущей на мостик. Волнение усиливалось, и Рострон, по-моряцки широко вышагивая, почти что перешел на бег. Внезапно, дверь одной из кают распахнулась, и из нее, смеясь, выбежал маленький мальчик, за ним выскочила мать, та самая «вторая Минни». Ей удалось схватить проказника и запихнуть его обратно в каюту. Но тут она увидела Артура и, закрыв дверь каюты, прислонилась к ней спиной. Артур чуть замедлил шаг и почти поравнялся с ней, когда «Карпатию» занесло уже на правый борт. Молодая женщина вскрикнула и неминуемо упала бы на пол, если бы Артур не рванулся вперед и не схватил бы ее за талию своими цепкими руками. Под ее тяжестью он не удержал равновесия, но, упав на спину, смягчил ее падение своим телом.

Секунды вдруг превратились в долгие минуты. Время растянулось как резиновый жгут на солнцепеке. Ее лицо было совсем близко. Черные от расширенных зрачков бездонные глаза вновь затянули Артура как в омут. Его руки по-преж-

нему сжимали ее талию. Оба не проронили ни слова. Артур чувствовал ее напряженное дыхание, видел как приближаются полуоткрытые тонкие губы, и, замороженный, не находил в себе сил ее остановить.

Глава 7. Громовержец

Артур чувствовал напряженное дыхание молодой женщины, ее тело, прильнувшее к груди, видел как приближаются полуоткрытые тонкие губы, и, замороженный, не находил в себе сил ее остановить.

Говорят, что между капитаном и послушным ему судном устанавливается сверхъестественная связь. Они понимают друг друга без слов: через шум лопастей, вибрацию корпуса, дымку пара, а, может быть, и угадывают настроение друг друга. Не даром ведь капитана у заядлых мореходов британцев звали «хозяином», мастером.

Во всяком случае, «Карпатии» еще не доводилось видеть своего хозяина в таком смятенном состоянии, и это явно пришлось ей не по нраву. К тому же, он был нужен на мостике! «Карпатия» подпрыгнула на короткой и жесткой волне, Рострона занесло к панели коридора, и он больно ударился плечом о стенку. Наваждение исчезло.

Быстро вскочив на ноги, он помог подняться молодой женщине, и, потирая ушибленное плечо, открыл дверь в ее каюту. Смотря ей прямо в глаза (тут уж пришлось приложить некоторое усилие), Артур легонько подтолкнул ее к двери:

– Оставайтесь в каюте, мэм, и не выпускайте детей. Мы входим в зону сильного волнения.

Надев фуражку и отдав честь под козырек, Артур Рострон быстро зашагал прочь.

– Капитан на мостике!

Чернильно-темный океан сливался со свинцовым, безлунным и беззвездным небом, на котором угадывались тяжелые тучи. Волнение усиливалось.

– Сэр, – тут же подбежал Джеймс Биссет, – мы только что послали за вами старшину! В направлении восток/юго-восток, на расстоянии приблизительно десяти миль, видны огни корабля, – и он протянул Рострону бинокль.

– Если это наш неприятель, то они предпочли обогнуть полосу тумана, и потому теперь движутся с востока, – проворчал Рострон, разглядывая огни корабля, – Мистер Биссет, вы и мистер Дин замеряли секстантом нашу позицию этим утром?

– Так точно, сэр!

– Сверьте ее с координатами, переданными мною «Франконии» через «Олимпик» для рандеву, а также с координатами зоны шторма. Я надеюсь, что капитану Хэддоку удалось передать мое послание капитану Смигу с «Франконии».

– Айэ-Айэ, сэр! – Джеймс Биссет скрылся в рубке.

Капитан Рострон продолжал наблюдать за огнями неизвестного корабля на востоке. Они медленно, но неуклонно, приближались. Биссет вернулся с вычислениями. Некоторое

время Рострон разглядывал график координат.

– Мистер Дин, подкорректировать курс на пять градусов в направлении север/северо-восток! Прибавить ход до 12 узлов!

– Айэ-Айэ, сэр! Пять градусов право руля, скорость 12 узлов!

Минут через двадцать они должны быть на месте randevу. Задерживаться им нельзя! Но где же «Франкония»? Может быть ее огней не видно из-за туч?

– Сэр, корабль с юго-востока идет на большой скорости, расстояние между нами сокращается! – Эрик Риис передал сообщение из «вороньего гнезда».

– Мистер Биссет, попросите мистера Коттэма связаться с «Франконией».

– Напрямую, сэр?

– Да, неприятель нас засек, больше скрываться не имеет смысла.

– Айэ-Айэ, сэр!

– Мистер Дин, скорость 13 узлов!

– Есть скорость 13 узлов!

– Мистер Риис и Мистер Хэнкинсон, становитесь впередсмотрящими по левому и правому борту! Мистер Барниш – на корму!

– Айэ-Айэ, сэр!

Сам Рострон, как всегда, занял место в центре мостика.

«Карпатия», переваливаясь на волнах, мчалась в свинцо-

вую хмурую неизвестность.

Неприятельское судно неумолимо приближалось, и Рострон уже подумывал изменить курс в сторону штормовой зоны, когда прямо с севера сквозь лиловый мрак, показались мачтовые огни. Одновременно, на мостике появились Гарольд Коттэм и Джеймс Биссет.

– Сэр, маркониграмма с «Франконии»!

– Наконец-то! – Рострон забрал у Коттэма радиограмму: «Рострону. Простите за опоздание. Проблема с лопастью. Идем малым ходом. Готовы принять списки спасенных. Срочная маркониграмма из офиса Президента США Тэфта: на борту ли майор Арчибальд Батт. Прошу ответить. Смит», – прочитал он, освещая текст карманным фонариком.

– Мистер Коттэм, передайте на «Франконию» следующий текст. – вооружившись карманным фонариком, блокнотом и карандашом, Коттэм приготовился записывать. – «Смиту. Спасибо, что пришли. Задержаться не можем: на борту больные. Следуйте за нами в течение получаса, пока будем передавать списки. Направление Запад/Юго-Запад. Сообщите в офис компании «Кьюнард», что идем в Нью-Йорк. Рострон.»

– А на последний вопрос, сэр?

– Не отвечайте. Исполняйте!

– Слушаюсь, сэр! – Коттэм умчался.

К капитану подбежал Эрик Риис.

– Сэр, из вороньего гнезда сообщили, что незнакомый ко-

рабль на востоке перестал набирать ход и сохраняет дистанцию.

На мостике появился Чарльз Лайтоллер. Вынув из кармана несколько сложенных листков бумаги, он передал их капитану Рострону.

– Подписал?

– Да. Засвидетельствовано мной и доктором МакГи.

– Благодарю вас, лейтенант!

– Рад был вам помочь, командер, сэр! Да, вот еще – подарок вашей жены. – Лайтоллер с улыбкой возвратил авторучку капитану.

Рострон положил ее в левый внутренний карман кителя – поближе к сердцу, и еле заметно улыбнулся: Минни напомнила о себе.

– Мистер Биссет! Распорядитесь, чтобы срочно проверили крепление всех шлюпок, наших и поднятых с «Титаника», и крепление мачт. Штормовое предупреждение.

– Айэ-Айэ, сэр!

– Мистер Хэнкинсон, предупредите мистера Хьюза, чтобы в коридорах дежурили стюарды и не позволяли пассажирам отлучаться из кают. Пошлите несколько стюардов в третий класс во избежание волнений, третий класс у нас переполнен.

– Айэ-Айэ, сэр!

Гарольд Коттэм возник словно из под земли.

– Ответ «Франконии», сэр!

Рострон вынул ручной фонарик. «Рострону. Вы идете прямо в эпицентр десятибалльного шторма с циклоном! Будете следовать за вами вплоть до зоны шторма. Передавайте списки. На борту ли майор Батт? Смит».

– Мистер Коттэм, вначале передайте эту короткую марко-ниграмму, а потом – полный список спасенных в обратном порядке, начиная с пассажиров третьего класса и команды «Титаника». Записывайте: «Смиту. О шторме известно. Иду в Нью-Йорк. Сообщите в офис «Кьюнарда». Примите списки. Рострон». Да, мистер Коттэм, можете заодно отослать мой собственный отчет «Кьюнард», который лежит у вас в ящике стола.

– Слушаюсь, сэр!

– Мистер Риис, распорядитесь, чтобы офицерам раздали тренч-плащи. Всей команде объявить штормовую готовность первой степени. Задраить все двери и люки, выходящие на открытые палубы.

– Айэ-Айэ, сэр!

Капитан Рострон, подошел к первому помощнику Хоррэсу Дину и протянул ему уточненный график координат.

– Следуйте этому курсу, мистер Дин! Максимальная скорость! Я встану за штурвал через полчаса.

– Айэ-Айэ, сэр! – прозвучало в ответ несколько напряженно. – Десять градусов лево руля! Скорость четырнадцать узлов!

«Офицеры все же нервничают, – подумал Рострон, – мно-

гие из них уже испробовали штормовой погоды, но шторм с циклоном – это особый фрукт! Правда, старшие офицеры, как и я, прошли свое боевое крещение на парусниках. За одного моряка парусника дают двух парходных. Но уж очень много им пришлось пережить за такое короткое время. Двое суток без сна, да и в шторм придется войти ночью. Удалось ли им хоть чтонибудь перекусить? Зато «Франкония» защитила нас от неприятеля, а в шторм они не полезут – стрелять не смогут, а опасность велика. Так что моя небольшая хитрость сработала».

Артуру Рострону так и не пришло в голову, что все, о чем он подумал, относилось и к нему самому – вторая бессонная ночь, во рту ни маковой росинки. Но спать совсем не хотелось. Напротив, он чувствовал прилив энергии и знакомое возбуждение.

У капитана Рострона была одна слабость: он любил шторм. Да не просто шторм, а приправленный хорошенькой грозой, и чтобы непременно с молнией! «Электрическая искра» заряжается от молнии», – шутили приятели. Стоять на мостике, заглядывая прямо в разверстую пасть зеленому дракону, чувствовать, как он увлекает тебя в бездну, как пытается там удержать, обдавая могучими солеными крыльями, и – каждый раз ускользать, вырываться из мутно-зеленых объятий, соединяясь с кораблем в одно торжествующее целое! Быть может именно ради этого и стал моряком белокрысы болтонский мальчишка!

Но его бесстрашие не было основано на безрассудстве. Кадет Рострон окончил мореходную школу вторым в своем классе, да и то только потому, что никак не мог освоить французский язык! Зато он первенствовал в навигации, физике, математике, механике, химии и астрономии. В 25 лет Артур Рострон сдал экзамен на «экстра мастера», необходимый для получения капитанской лицензии, с первого же раза (капитан «Титаника» Эдвард Смит и Чарльз Лайтоллер свой первый экзамен завалили). Экзамен этот был чрезвычайно сложным, состоял из практического, устного и письменного элементов и длился около недели. К результатам, обычно, прилагалась обширная рецензия, но оценку Артура Рострона сопровождал один единственный комментарий: «Великолепный офицер!».

Только «Карпатия» об этом не знала: ее новый хозяин был с ней всего три месяца. И, вместе с ним, она готовилась принять на свою свежевыкрашенную грудь самый сильный в ее десятилетней жизни шторм.

На мостике раздали тренч-плащи. Стюарды заняли свои посты. Матросы проверили крепления и задраили выходы на палубы.

Слегка приподняв фуражку, Артур Рострон обратился к Провидению с безмолвной молитвой.

Капитан Рострон ввел корабль в шторм «крабом», рассекая все увеличивающиеся волны под углом, а не зарываясь в них носом. Это было его собственным изобретением, резуль-

татом 27-летнего опыта мореплавания, которое он успешно применял на парусниках, а сейчас ему предоставилась возможность проверить действенность своего метода на пароходе. Во-первых, продвигаясь под углом, Рострон «вскрывал» волну и не давал ей обрушиться на корабль параллельно или перпендикулярно корпусу корабля. Во-вторых, такая динамика ломала резонансное наложение длины волны с собственной вибрацией корабля, чреватое разломом. Но этого было недостаточно: необходимо было постоянно следить за степенью вибрации корпуса «Карпатии» и менять скорость, если вибрация усиливалась, чтобы избежать смертельного резонанса.

Шторм продолжался две ночи, и полтора дня. Вернее, их только условно можно было назвать днями, так как свинцовые тучи, покрывавшие небо от горизонта до горизонта, превратили дни в грязно-лиловые сумерки, сменявшиеся такой же грязно-фиолетовой ночью. Шквалы ветра, огромные волны, раскачивали и кидали «Карпатию» из стороны в сторону. Корпус корабля дрожал и вибрировал под напором десятиметровых волн. Все открытые палубы «Карпатии» заливало полностью. Обычно, самыми высокими волны бывают с подветренной стороны, но в этом случае циклон менял направление ураганного ветра чуть ли не каждую минуту.

Самое важное во время шторма, это не быть смытым за борт. Офицеры и матросы «Карпатии», намертво вцепившись в поручни и троссы, с надеждой смотрели на капита-

на, стоящего на мостике, выпрямившись во весь рост, и, казалось, не обращающего никакого внимания на обдававшие его пенные брызги. Время от времени он исчезал в рубке, чтобы подбодрить молодого рулевого Фицпатрика, а потом снова вытягивался неколебимой свечой посередине мостика, гибко сохраняя равновесие при крене. Вооружившись мегафоном, улавливая всем телом вибрации корабля, он выкрикивал команды спокойным и звонким голосом, который самым удивительным образом перекрывал вой ветра и шум бушующего океана.

– Два градуса право руля, держать скорость!

– Скорость тринадцать узлов!

– Один градус лево руля, скорость четырнадцать узлов!

– Скорость тринадцать узлов!

– Три градуса право руля, двенадцать узлов!

– Четырнадцать узлов, держать курс!

И так в течение почти что двух суток! Офицерам и команде казалось, что их худощавый шкипер обладал какой-то сверхъестественной выносливостью и нечеловеческим самообладанием. У Джеймса Биссета даже промелькнула невероятная мысль, что стоящий на мостике человек не только ведет корабль, но и дирижирует самой бурей. Будто они все – часть большого театрального представления, в котором только один режиссер.

Подчиняясь капитану, «Карпатия» преодолевала вал за валом, шквал за шквалом. Вот она ухнула в бездонную чер-

нильную бездну, и, казалось, все, накроет ее волной, но нет – она неизменно, возвращалась назад, выныривала и победоносно задирала нос.

На рассвете, который можно было определить только по часам, началась гроза. Молнии полыхали так же хаотично, как и порывы ветра, будто кто-то кидался серебряными струнами на темно-бархатном полотне. Капитан Рострон приказал эвакуировать матросов из «вороньего гнезда».

Раскаты грома раздавались совсем рядом, начался ливень.

И хорошо, что начался! Оглушительный раскат грома, всполох – и в «воронье гнездо» ударила молния! Если бы не ливень, мачта бы непременно загорелась. Только что спустившиеся с нее матросы посмотрели друг на друга и одновременно перекрестились.

И тут под внезапным и сильным порывом ветра одну из шлюпок все-таки сорвало с креплений! Высокой волной ее перенесло прямо над мостиком с одного борта на другой. Офицеры, стоявшие по периметру корабля, с ужасом следили за огромной тушей шлюпки, которую, как при игре в теннис, подхватила другая волна и теперь уже несла прямо в самую середину мостика, к рубке. На мостике стоял капитан Рострон. Биссет хотел крикнуть, но из глотки у него вырвался только хрип. Стоявший рядом Лайтоллер, схватил его за плечо, и что-то все же крикнул капитану, но и сам не услышал своего голоса, среди рева ветра и океана.

Рострон лодку видел. Сгруппировавшись всеми мускула-

ми в одну стальную пружину, он неотрывно следил за ней, чтобы определить ее траекторию. За несколько секунд до того, как огромная махина врезалась в мостик, Рострон сообразил, что удар придется по левому углу рубки и, сильно оттолкнувшись и свернувшись в клубок, прыгнул в правый угол. Огромный остов шлюпки разбился вдребезги в полуметре от капитана, окатив его водой с ног до головы. Биссет почувствовал как ослабла невольная хватка Лайтоллера, а у самого от волнения перехватило горло.

Мгновенно вскочив на ноги, капитан помахал рукой офицерам, он еще и улыбался! Из рукавов, брюк и из под плаща у Рострона текли потоки воды, но, как ни в чем не бывало, отряхнувшись, он занял свое место на мостике. Останки шлюпки были живо сметены в океан набежавшей волной.

Время от времени, матросы наведывались через задраенные люки и двери на закрытые и нижние палубы, проверяя, нет ли течи. В коридорах стояла только вода, просочившаяся сверху, и сновавшие по проходам и коридорам стюарды, вымуштрованные Харри Хьюзом, тут же ее подтирали. В корпусе ни течи, ни расходившихся швов не возникло, и команда не раз помянула добрым словом верфи компании Суон&Ричардсон, построившие «Карпатию» для «Кьюнарда» целых десять лет назад. Некоторые каюты, в особенности первого класса, поближе к верхним палубам, и кают-компаний тоже затопило, но расторопные стюарды тут же заменили ковры, вытерли пол.

Пассажиры, в том числе и подобранные с «Титаника», переживали шторм тяжело. Большинство лежало плашмя на койках, на столах, на полу, страдая от жесточайшей качки. Те же, кому все-таки удалось заснуть, были разбужены на рассвете раскатами грома и всполохами молнии. Но то ли измотанные и опустошенные люди устали бояться, то ли они действительно уверовали в своего гладковыбритого, стройного и молодого капитана, так непохожего на стандартного коренастого седовласого шкипера с буйной густой бородой и неизменной трубкой во рту, но страха они не испытывали. Того липкого, дурманящего, животного страха, который овладел ими, оставленными, брошенными в утлых шлюпках посреди одного из самых коварных океанов темной безлунной ночью. Их новый капитан обещал доставить их домой живыми и невредимыми, и они ему поверили. Что-то было в его точных распоряжениях, быстрой походке, спокойном голосе, внушавшее бесконечное доверие.

Пассажиры видели, как уверенно ведет себя команда «Карпатии» – офицеры, матросы, стюарды, и это тоже внушало доверие к экипажу, успокаивало. Каждый делал свое дело быстро, но спокойно, без суеты. На их лицах не было и тени страха! Было заметно, что все возможные ситуации были схвачены, отшлифованы и отработаны во время тренировочных занятий. Каждый знал точно что, когда и где ему надо было делать.

– С нашим шкипером ничего не бойтесь! – то и дело под-

бадривали они пассажиров. – Он у нас ведь не только моряк, но и солдат!

Полковник Грейси, лелеявший мысль написать воспоминания о своем спасении с «Титаника», поинтересовался у Харри Хьюза, как часто проводил тренировочную тревогу на своем корабле капитан Рострон. Старший стюард возрился на него с удивлением:

– Каждый день, сэр! И тренировочный аврал и полный обход корабля!

Грейси горько усмехнулся. За те три дня, что «Титаник» был в пути, не было проведено ни одной тренировки. Было заметно, что экипаж, за немногим исключением, даже не умел толком спустить на воду спасательные шлюпки. Эвакуация проходила в полном хаосе и суматохе. Какой разительный контраст!

Наконец, к пяти часам вечера в среду, 17 апреля, «Карпатия», обессиленная, исцарапанная, измотанная, но целехонькая вынырнула из штормовой зоны. Тут же на палубах засуетились матросы, убирая мусор, перепроверя крепления, раздвигая люки и выходы на нижние палубы и отсеки.

Офицеры «Карпатии» потянулись на мостик за новыми распоряжениями.

– Мистер Хэнкинсон, – капитан Рострон протянул старшему график маршрута. – Следуйте этому курсу на Нью-Йорк, скорость 10 узлов. Сможем увеличить, когда проверим турбины.

– Айэ-Айэ, сэр!

– Старшина, вызовите для доклада главного инженера Джонстона и пришлите мне Коттэма.

– Айэ-Айэ, сэр!

– Мистер Барниш, распорядитесь вызвать на мостик мистера Брауна и мистера Хьюза. Поставьте запасного рулевого, отправьте Джеймса Фицпатрика отдыхать до полуночи. Вы и мистер Риис остаетесь на мостике вместе со старпомом. В полночь вас сменят мистер Дин и мистер Биссет. Объявите всей команде, что мы следуем в Нью-Йорк.

– Айэ-Айэ, сэр!

– Мистер Дин, мистер Биссет и лейтенант Лайтоллер, пройдемте со мной в рубку.

Измотанные до изнеможения офицеры последовали в рубку за капитаном Ростроном, который бодро вышагивал впереди. Он начал без обиняков.

– Джентльмены! Благодарю вас за службу и за поддержку! Без вас, вашего мастерства и мужества я бы не смог справиться со стихией и со сложной обстановкой, в которой мы оказались. Сейчас мы вышли на финишную прямую. По моим расчетам, неприятель от нас значительно отстал, несмотря на превосходящую скорость. Им понадобится не менее суток, чтобы обойти зону шторма, за это время, я очень надеюсь, мы будем уже вблизи Гудзона. Осталось только проверить двигатели. Если мы сможем выжать 13-14 узлов, то, я планирую прибыть в порт к завтрашнему вечеру. И все же,

мне бы хотелось быть начеку этой ночью. Поэтому, я попрошу вас, всех троих, хорошенько отдохнуть, а в полночь смелить старпома, Рииса и Барниша.

– А как же вы, сэр?! – почти одновременно воскликнули Дин и Биссет.

– Приведу себя в порядок и займусь кое-какими неотложными делами. Обо мне не беспокойтесь. На «Седрике» иногда приходилось не спать за раз по пять-шесть суток, да еще возиться с парусами!

– Сэр, – приглушенным голосом спросил Биссет, – если оставшийся отрезок пути до порта пройдет спокойно, вы считаете, что нам удалось ускользнуть, что на этом все закончится?

– Да, – после минутного колебания произнес Рострон, – мы еще поговорим на эту тему завтра. А сейчас – спать! Приказ капитана!

– Айэ-Айэ, сэр!

Обессиленным Дину и Биссету приказ повторять не было необходимости. Лайтоллер задержался.

– Вы попытаетесь как-то разругать создавшуюся ситуацию, командер? – спросил он.

– Да, лейтенант. На моем и на вашем социальном уровне нам ничего не добиться: мы всего лишь две пешки против ферзя. Нам нужен сильный союзник. Может быть не такой могущественный, как «Спрут», но из той же категории крупных фигур. Кажется, у меня появилась свежая идея, и я по-

пытаю счастье сегодня.

– Появилась во время шторма? – улыбнулся Лайтоллер.

– Самые лучшие мысли приходят во время шторма, когда их хорошенько взбалтывает в голове, – рассмеялся Рострон.

– Я могу быть вам полезен, командер?

– Вы уже были чрезвычайно полезны, лейтенант! Но дальше я должен идти один. Если моя миссия провалится, я не хочу засветить вас и остальных моих соратников. Если же мне удастся заручиться поддержкой нового союзника, то этот союзник, скорее всего, пожелает остаться известным только мне.

– Вы попытаетесь дать им бой?

– Это невозможно, у нас нет веских доказательств, только косвенные. Но я попытаюсь добиться ничейного исхода: безопасности всех вовлеченных в эту историю, участников и невольных свидетелей. Это единственный выход из нашего положения.

– Что ж, – вздохнул Лайтоллер, – разумно, – и он протянул руку капитану. – Желаю вам удачи, командер! Вы всегда можете на меня рассчитывать.

– Спасибо, лейтенант! – и Рострон сердечно пожал протянутую руку.

На мостике появились казначей Браун и старший стюард Хьюз.

– Мистер Браун, прошу вас от моего имени объявить благодарность всей команде за прекрасную работу в сложных

погодных условиях. Пожалуйста, приготовьте ходатайство перед «Кьюнардом» о премиальных выплатах для всех матросов, кочегаров и инженеров.

– Слушаюсь, сэр!

– Мистер Хьюз, объявите от моего имени благодарность стюардам и стюардессам, и подготовьте аналогичное ходатайство о премиальных наградах.

– Слушаюсь, сэр!

– Направьте стюардов во все три салона и объявите пассажирам, что в течение оставшегося пути ожидается хорошая погода, что все неприятности позади. Принесите от моего имени извинения за причиненные неудобства. А самое главное, объявите пассажирам, что мы следуем в Нью-Йорк.

– Будет сделано, сэр!

– Как пассажиры перенесли шторм?

– Доктор Ризикато и доктор Лендъел сообщили, что к ним обращались с мелкими ушибами несколько человек. Ну и конечно... хммм ... проблемы с несварением, сэр!

– Слава Богу, что ничего серьезного! Поблагодарите докторов Ризикато и Лендъела от моего имени и попросите доктора МакГи подняться на пару минут ко мне.

– Слушаюсь сэр!

Браун и Хьюз ушли, и вместо них на мостик поднялся главный инженер Джонстон. Он в раздумье почесывал в затылке.

– Что случилось? – спросил Рострон в тревоге.

– В том-то и дело, что ничего, сэр! Это-то и удивительно! Старушка в прекрасной форме! Турбины работают гладко, все лопасти в порядке. Шторм пошел ей на пользу, – улыбнулся Джонстон. – Можем спокойно дать 14 узлов.

У Рострона вырвался вздох облегчения.

– Наконец-то хорошие новости! Благодарю вас за прекрасную работу, мистер Джонстон! Вы замечательно ухаживаете за нашей почтенной леди.

– Спасибо, сэр!

– Достаточно ли у нас угля для поддержания скорости в 14 узлов в течение приблизительно суток? Ведь в шторме, наверняка, много потратили?

– Дотянем, сэр, не беспокойтесь!

– Прекрасно! Мистер Хэнкинсон, строго по курсу, скорость 14 узлов!

– Айэ-Айэ, сэр!

«Карпатия» набирала ход. Гарольд Коттэм и Фрэнк Мак-Ги появились на мостике почти одновременно. Оба еле стояли на ногах.

– Держитесь, мистер Коттэм? – спросил Рострон сочувственно молодого человека.

– Да, сэр! – ответил тот, но его слова прозвучали неубедительно. – У меня накопилось до трехсот бланков от спасенных пассажиров для передачи на землю, но в тумане и в шторме почти ничего передать не удалось. Сейчас приступлю к работе. – Глаза у бедняги слипались на ходу.

– Доктор МакГи, как вы думаете, мистер Брайд, оператор Маркони с «Титаника», не мог бы помочь мистеру Коттэму? МакГи колебался.

– У него переломы костей ступни, это очень болезненно, и ходить он не может. Но если его перенести...

– Пожалуйста, попросите его от моего имени и организуйте транспортировку, если согласится. Мистер Коттэм работает один уже третьи сутки.

– Хорошо, сэр. Я постараюсь это организовать. Вы наверное хотите знать, как себя чувствует мистер Исмей? Ему удалось заснуть – в самую качку! В отличие от меня! – Доктор МакГи уже приготовился жаловаться, но капитан его остановил.

– Вот и прекрасно! – вежливо, но настойчиво, подхватив доктора под локоть, он препроводил его к лестнице, спускающейся с мостика. За ними, засыпая на ходу, плелся Коттэм.

Через полчаса капитану сообщили, что Гарольд Брайд находится в радиорубке, и оба Гарольда работают посменно.

– Мистер Хэнкинсон, мостик ваш!

– Айэ-Айэ, сэр!

Рострон спустился в маленькую каюту главного стюарда (Харри Хьюз подселился к своему заместителю), сорвал с себя промокшую, мятую, форму и белье и блаженно опустился в ванну, наполненную горячей водой. Только сейчас он почувствовал, как дико устал. Но расслабляться было никак нельзя: его ждала быть может самая важная миссия за эти

несколько дней.

Ровно через час, гладко выбритый, в свежей сорочке с белоснежным высоким воротником, в сверкающих ботинках и отутюженном кителе, капитан Артур Рострон стоял перед дверью одной из кают первого класса. В руках он держал тонкую кожаную папку темно-бордового цвета.

«Пешка проходит в королевы», – усмехнулся он и посту- чал.

Глава 8. Рокировка ферзем

В полночь Дин и Биссет заступили на дежурство на мостике, Лайтоллер, Питман и Лоу заняли места на корме и по каждому борту в качестве впередсмотрящих. Двое матросов сменились в «вороньем гнезде».

В небе зарождалась молодая луна, сверкали звезды. Океан был ласковым и спокойным как сонливый котенок. Но офицеры на мостике прекрасно знали, как обманчив Атлантический океан. С ним нужно держать ухо востро да зоркий глаз.

Капитан Рострон стоял на мостике. Предоставив Хоррэсу Дину вести корабль, он был задумчив, пальцы в натянутых кожаных перчатках отбивали по поручням какой-то ритм. Ни одному из офицеров не хотелось прерывать размышлений капитана. На мостике было тихо, только слышались команды первого помощника, которые он отдавал рулевому и машинисту.

Так прошла ночь.

На рассвете впередсмотрящие заметили приближающиеся с запада два небольших крейсера.

Мгновенно вооружившись биноклями, Рострон и его офицеры с напряжением всматривались в горизонт. Наконец, Биссет воскликнул с облегчением, высмотрев вымпел на флагштоке:

– Два военно-морских крейсера Соединенных Штатов Америки!

– Ого! – проговорил Рострон. – Неужели это нас так встречают?!

На мостике появился Гарольд Коттэм.

– Сэр! Только что получил срочную радиограмму с использованием военного кода.

– Вы владеете военным кодом, мистер Коттэм?!

– Да, сэр, нас этому тоже обучали, но особой практики не было.

– И что же нам говорят? – с нетерпением спросил Рострон. Офицеры повернулись к Коттэму.

– «Карпатии. Вместе с крейсером «Салим», получили приказ проводить вас в порт Нью-Йорка. На борту ли Майор Арчибальд Батт? Прошу ответить. Крейсер военно-морского флота США «Честер»».

– Вы им сможете ответить, мистер Коттэм?

– Принимать нетрудно, но военный радиоприемник переводит маркониграммы с большими ошибками, так что им будет нелегко нас понять, иногда получается ерунда.

– Так, – у Рострона загорелись глаза, – вместо ответа, начните передавать им снова уточненные списки спасенных пассажиров первого класса. Как там мистер Брайд?

– Слушаюсь, сэр! – Коттэм улыбнулся. – Хорошо, он работает полулежа, мы с доктором МакГи ему подушки под спину понатыкали. Спасибо, что прислали Гарольда, а то я уж совсем бы все напутал от усталости, и не понарошку, а на самом деле!

– Мистер Дин, а ну-ка направьте «Карпатию» напрямик между нашими провожатыми, – у капитана Рострона настроение явно улучшилось, – теперь нам, скорее всего, на море уже ничего не угрожает!

«Простите меня, майор Батт, – мысленно обратился к погибшему герою Артур Рострон, – что мне пришлось загадывать шарады, используя ваше доблестное имя. Но вы были настоящим воином, и поймете меня как солдат солдата. Мне надо было во что бы то ни стало спасти «Карпатию»!

«Карпатия» ловко вырулила между двумя крейсерами, и настроение капитана передалось первому и второму помощникам: они заулыбались. Однако слова Рострона «на море уже ничего не угрожает», все же немного резали слух.

«Честеру» и «Салиму» с их максимальной скоростью в 27 узлов пришлось малым ходом следовать за «Карпатией» на безопасном расстоянии, будто бы два джентльмена, и в самом деле, сопровождали на прогулке почтенную даму.

К полудню погода прояснилась, вышло солнце и позавтра-

кавшие пассажиры «Карпатии» потянулись на палубы. Дети затеяли возню и игры, их звонкие голоса словно солнечные зайчики, рассыпались по верхней палубе. На мгновение показалось, что не было ни страшной трагедии, ни дрейфа в утлых суденышках в кромешной тьме, ни жестокого шторма. Но на мачте «Карпатии» по-прежнему реял приспущенный темно-синий флаг.

Офицерам было видно, что с крейсеров с любопытством наблюдают в бинокли за палубами «траурного корабля», как, оказывается, уже окрестила «Карпатию» международная пресса. Со своим маломощным аппаратом Маркони и изоляцией в океане, на «Карпатии» и представления не имели, в каком напряжении и возбуждении ожидал весь мир прибытия в порт назначения до недавних пор никому неизвестного круизного лайнера.

Вскоре им предстояло это узнать в самой фантазмагоричной и неприглядной форме.

Сразу же, как только Коттэму и Брайду удалось наладить связь с «землей», пришла срочная маркониграмма от генерального менеджера Нью-Йоркского офиса «Кьюнарда» Чарльза Самнера. Понимая значение этого послания, Гарольд Коттэм понесся с бланком на мостик к капитану Рострону.

– Сэр! Срочная маркониграмма от мистера Самнера!

Рострон тут же выхватил бланк из рук Коттэма.

«Рострону. Правительство США отменило все иммиграци-

онные и таможенные процедуры. Если кто-то из журналистов попробует пробраться на борт «Карпатии», заявляя, что я дал на это разрешение, имейте в виду, что это ложь. Самнер.»

Капитан Рострон умел читать между строк.

Достав из внутреннего кармана кителя блокнот и авторучку, он быстро написал несколько строк.

– Старшина, немедленно передайте этот текст мистеру Хьюзу для распечатки. Это объявление должно быть вывешено в нескольких копиях по всему кораблю.

– Айэ-Айэ, сэр!

– Мистер Коттэм! Посылайте на берег исключительно частные тексты от спасенных пассажиров и команды «Титаника». Никаких пресс-релизов! Полностью игнорируйте любые запросы об информации, от кого бы они не исходили. Ко мне приносите только маркониграммы, адресованные лично мне из офисов «Кьюнарда» или «Белой звезды».

– Слушаюсь, сэр!

– Сынок, – и капитан Рострон положил руку на плечо Коттэма, – это относится и к вашему непосредственному начальству. Не отвечайте с мистером Брайдом на запросы, исходящие от компании Маркони. Сможете?

– Сэр, – без колебаний ответил Гарольд Коттэм, – ваше слово для меня закон. Без работы я не останусь. Я прослежу, чтобы и Брайд подчинился этому приказу.

– Спасибо, мистер Коттэм, я не допущу, чтобы вам при-

шлось искать работу, можете не сомневаться.

– Сэр, доктор МакГи принес вот этот бланк от мистера Исмея для передачи в «Белую Звезду», как быть? – и Коттэм протянул Рострону листок с текстом, написанным почерком доктора МакГи.

В этом немного истеричном послании, Брюс Исмей просил генерального менеджера «Белой Звезды» Филипа Франклина устроить его немедленный отъезд в Британию, как только «Карпатия» пришвартуется к причалу в Нью-Йорке.

«Бедный мистер Исмей в страхе и смятении», – подумал Рострон, – «он явно не рассчитывает на мой успех. Что ж, посмотрим!»

– Отсылайте, мистер Коттэм!

Приблизительно через полчаса на всех досках объявлений «Карпатии» появился приказ капитана Артура Генри Рострона о полной цензуре на все отправляемые на берег депеши: разрешены лишь личные послания спасенных с «Титаника» своим семьям. Карлос Херд с супругой оставались в карантине.

Вскоре капитан Рострон появился в комнате операторов Маркони и передал Коттэму срочное послание. Оно было подписано одной из спасенных пассажирок первого класса и адресовано ее супругу, с просьбой встретить ее на «Карпатии» поздно ночью, вместе с деловым поверенным. В послании не было ничего необычного, и Коттэм недоумевал, почему это капитан лично озаботился отправкой именно этой

депеша.

После небольших вычислений, капитан Рострон объявил команде и пассажирам, что прибытие «Карпатии» в порт Нью-Йорка ожидается к девяти часам вечера. Это известие вызвало нервное возбуждение у спасенных с «Титаника»: у некоторых – чувство облегчения и предвкушения встречи с близкими, у других – горечь невозможной утраты.

На «Честере» и «Салиме» никак не могли разобраться с «галиматьей», присланной с «Карпатии», и, в конце концов, махнули рукой. Так, в сопровождении двух армейских крейсеров, «Карпатия» проследовала в направлении Нью-Джерси.

Но когда, около 8 часов вечера, она подошла к каналу Эмброуз, разверзлись хляби небесные, пошел град и разразилась гроза. Засверкали молнии, загредел гром, море стало волноваться, будто не хотело так просто отдавать суше отнятую из его недр добычу. Видимость резко ухудшилась.

Капитан Рострон и офицеры «Карпатии», рулевой Джеймс Фицпатрик, заняли свои места на мостике. Прибытие в порт и причал были ответственными моментами, но, в особенности, это касалось порта Нью-Йорка, где погодные и навигационные условия всегда были достаточно сложными. Рострон обратил внимание на то, что несколько кораблей оставались на рейде в заливе, по-видимому, ожидая улучшения погоды и видимости.

На мостике появился Гарольд Коттэм.

– Маркониграмма от мистера Самнера, сэр!

Капитан прочитал: «Рострону. Отплытие по прерванному маршруту в Средиземное море завтра в 4 часа пополудни. Сообщите пассажирам. Самнер». Рострон протянул марконигramму офицерам.

– Они что, все там рехнулись?! – воскликнул Хоррэс Дин. – Как же мы успеем укомплектоваться?! Не говоря уж об отдыхе!

– Мистер Коттэм, отправьте следующий текст: «Самнеру. Подтвердите завтрашний рейс. Корабль неукomплектован, команде необходим отдых. Рострон».

Минут через пятнадцать Коттэм вернулся с ответом и, с разрешения капитана, зачитал его вслух: «Рострону. Отложить рейс не можем. Все билеты на ваш корабль в Средиземноморье проданы вплоть до рождества. Вы теперь знаменитость. С комплектованием поможем. Самнер».

– Ни фига себе! – протянул Биссет, присвистнув, и тут же спохватился. – Простите, сэр!

Рострон только зыркнул на него глазами.

– Сэр! – подбежал Эрик Риис. – Лоцман на связи!

С лоцманского катера просигналили: «В порту сложные погодные условия, высокая волна и прибой. Вы останетесь на рейде, как остальные?».

– Мистер Риис, просигнальте: «Иду прямо в порт, приготовьтесь к сопровождению, присылайте лоцмана на борт».

– Айэ-Айэ, сэр! Еще сигналят с катера, сэр: «У меня

на борту несколько корреспондентов, просьба подняться на борт».

– Сигнальте: «Корреспондентов не примем, только лоцмана. Приказ капитана».

– Мистер Риис, – обратился капитан Рострон к высокому и рослому третьему помощнику. – Под вашу ответственность. Разрешаю дать по физиономии любому газетчику, кто посмеет нарушить этот приказ!

– Айэ-Айэ, сэр! – радостно ответил валлиец.

Лоцманский катер подошел поближе, и с «Карпатии» был спущен трап. Но корреспонденты так просто не сдавались. Сразу трое уцепились за веревочный канат и попытались подняться вслед за лоцманом на борт. Эрик Риис мгновенно сложил трап за спиной лоцмана и с удовольствием заехал кулаком по скуле одному из особенно нахальных газетчиков.

Сопровождаемая всполохами молнии и раскатами грома, «Карпатия» двигалась по каналу Эмброуз, до самого маяка, и, наконец, достигла залива Нью-Йорка. И только тут капитан, команда и пассажиры «Карпатии» осознали весь ажиотаж, вызванный их прибытием.

Несмотря на плохую видимость и позднее время, в бинокли можно было разглядеть многотысячную толпу, заполнившую набережную порта от Кьюнардского причала 54 вплоть до причала 59, принадлежавшего «Белой Звезде». Толпу с трудом сдерживали многочисленные отряды пешей и конной полиции. Неподалеку выстроилась в ряд стайка черных

«Паккардов» и «Кадиллаков», ожидающая прибытия пассажиров первого класса, кареты неотложной помощи.

Заметив «Карпатию», несколько стоявших у причала военных кораблей приветствовали ее траурными сигналами, но капитану Рострону было не до соблюдения этикета. Вооружившись биноклем, он приготовился вести корабль к причалу.

Не тут-то было!

Несмотря на рваные волны, град и грозу, «Карпатию» окружила целая свора катеров, лодок, шлюпок, до отказа наполненных корреспондентами самых разных газет. Агентство Ассошиэйтед Пресс даже зафрахтовало небольшую шхуну. Казалось, что все, что могло плавать в заливе Нью-Йорка, сейчас гребло, несло, спешило к темному корпусу корабля, приближавшемуся сквозь грозовую дымку. Словно стая голодных волков кружили они вокруг своей жертвы, блокируя и не давая возможность продвинуться к причалу.

Размахивая стодолларовыми купюрами, газетчики выкрикивали в рупоры вопросы, адресованные жертвам кораблекрушения, к всполохам молнии присоединились магниевые вспышки осветителей, казалось, сама вода бурлила и кипела от нашествия зловещих хищников.

– Правда ли, что капитан Смит покончил с собой?!

– Сколько трупов везете вы на «Карпатии»?!

– Правда ли, что мужчин застреливали прямо на «Титанике»?!

– Мы знаем, что леди Астор при смерти, где она?!

Оглушенные шумом, ослепленные вспышками, заревели дети, зарыдали женщины, вновь ввергнутые в самую бездну своих ужасных воспоминаний. Закрыв лица руками, они стали убегать с палуб в спасительные трюмы «Карпатии», которая несколько дней как птенцов укрывала их в своем недре, убаюкивая, оберегая, успокаивая.

Видя, что люди в панике сбегают с палубы и фотографий им не получить, газетчики предприняли попытку прямого abordaja «Карпатии». Несколько лодок подошло поближе, вооруженных пиратскими канатами с крюками, пытаясь зацепиться ими за борт.

Никогда еще команда «Карпатии» не видела своего шкипера таким разъяренным! С мегафоном в руках, размахивая револьвером, он носился от борта к борту.

– Застрелю каждого, кто попробует залезть на борт! Рубите канаты!

Офицеры и матросы бросились выполнять распоряжение капитана. Было видно, как на корме отбиваются от атаки репортеров Лайтоллер, Питман и Лоу. Абортaja удалось предотвратить, но неугомонные суденышки продолжали кружить вокруг «Карпатии». Словно в отместку, либо за неимением других целей, они направили свои магниевые вспышки на мостик.

Ослепленные офицеры не видели ни зги, прикрывая глаза рукавами. Из рубки выскочил испуганный рулевой Джеймс

Фицпатрик.

– Сэр, я ничего не вижу, не могу вести корабль! – он чуть не плакал. – Даже в шторме не было так страшно!

– Сейчас, сынок, я им покажу! – зловеще проговорил капитан Рострон, положив руку на плечо молодого рулевого. – Слушай внимательно! Будешь выполнять мои команды. Видеть тебе ничего не надо, не волнуйся, следуй моим указаниям.

Подхватив мегафон, капитан Артур Рострон буквально за две минуты ловко взобрался на мачту, почти до высоты вороньего гнезда. Сюда огни вспышек не доставали, и в бинокль ему было видна акватория порта настолько, насколько позволяла гроза. Повиснув на снастях, он выкрикивал команды в мегафон.

– Слушайте на шлюпках! Утоплю каждую, которая попадетс я мне на пути. Если не верите – попробуйте!

– Десять градусов право руля, скорость двенадцать узлов! На такой скорости в порт Нью-Йорка не заходил еще ни один корабль даже в условиях прекрасной погоды. Лоцман с округлившимися глазами посмотрел на первого помощника, но Хоррэс Дин только отмахнулся.

– Он знает, что делает.

– Пять градусов лево руля, держать скорость! – продолжал командовать с мачты в мегафон Рострон.

Убедившись в решимости капитана «Карпатии» прорвать блокаду во что бы то ни стало, лодки и катера с репортера-

ми начали в панике грести прочь, увертываясь врассыпную от ее быстро приближающегося киля, а вскоре и вовсе остались далеко позади. Постепенно снижая скорость, «Карпатия», несмотря на прилив и высокую волну, горделиво проследовала в Нью-Йоркский порт. Капитан вернулся на мостик и провел корабль вначале к причалу номер 59, принадлежавшему «Белой звезде».

– Мистер Риис и мистер Барниш, – обратился он к третьему и четвертому помощникам, – проследите за спуском шлюпок «Титаника».

– Айэ-Айэ, сэр!

Толпа на берегу в скорбном молчании наблюдала за тем, как на причал 59 одну за другой спустили тринадцать шлюпок с надписью «Титаник» – все, что осталось от великого корабля.

После этого «Карпатия» проследовала к «Кьюнардскому» причалу номер 54 и пришвартовалась. Путь к земле обетованной был завершен.

В каком-то неожиданном для них самих порыве, офицеры «Карпатии» окружили капитана Рострона, наперебой пожимая ему руку, к ним присоединились офицеры «Титаника», рулевой Фицпатрик и Гарольд Коттэм, у некоторых заблестели на глазах слезы. До конца не верилось, что этот казавшийся бесконечным пятидневный переход, наконец-то, подошел к концу.

Капитан Рострон дал знак «заговорщикам» последовать

за ним в рубку.

– Джентльмены, – обратился он к Дину, Биссету, Лайтоллеру и Коттэму. – Наша миссия подошла к концу. Я перед вами в безмерном долгу за ваше доверие, поддержку и преданность. А сейчас я должен просить вас об одном, последнем, отдолжении. Забудьте, что с нами произошло. Всего этого просто не было. Вам придется хранить молчание всю свою жизнь. Только таким образом вы обеспечите безопасность себе и всем, вовлеченным в недавние трагические события.

И коротко склонив голову, капитан пожал руки всем присутствующим. Офицеры и радист были тронуты до глубины души, но ответил Рострону Чарльз Лайтоллер.

– Сэр, – сказал он, – от своего собственного имени и от лица пассажиров и команды «Титаника», могу только сказать, что это мы перед вами в неоплатном долгу, ведь вы спасли нас дважды!

– Слушайте, слушайте! – воскликнули Дин и Биссет.

– И еще, командер Рострон, сэр, – продолжал Лайтоллер, – для меня было огромной честью служить под вашим началом! – и Чарльз Лайтоллер отдал честь под козырек.

Капитан Рострон ответил таким же военным приветствием.

Взволнованные офицеры и радист покинули рубку. Впереди было еще много забот и работы.

Капитан Рострон принял решение, что первыми должны сойти на берег пассажиры «Карпатии». Он уже представлял

себе ажиотаж, который вызовет появление на причале спасенных с «Титаника». Его собственные пассажиры и так уже натерпелись неудобств в течение последних четырех дней, делясь с пострадавшими каютами, одеждой, пищей. Они вели себя безукоризненно, проявляя человечность, добросердечие и такт. Так пусть хоть сойдут на берег спокойно!

– Мистер Биссет и мистер Риис, проводите наших пассажиров на берег. Пожалуйста, напомните им, что мы отплываем завтра в 4 часа пополудни, и что с удовольствием увидим их вновь, как только приведем корабль в порядок.

– Айэ-Айэ, сэр!

Пассажиров и команду «Титаника» капитан Артур Рострон провожал сам. Джеймс Биссет только сейчас обратил внимание, каким изможденным был их шкипер. И без того худощавого телосложения, он выглядел истощенным: скулы обтянутые кожей, глаза в обрамлении темных кругов. Казалось, сама судьба испытывала этого человека на прочность.

Капитан стоял у сходней, немного опираясь на поручень, и пожимал руку каждому покидающему «Карпатию» пассажиру «Титаника». Они, изнуренные, опустошенные, выстроились в цепочку, чтобы поблагодарить от всего сердца человека, подарившего им жизнь, и попрощаться с ним, скорее всего, навсегда.

Джеймс Биссет увидел, как к капитану Рострону подошла молодая, красивая женщина с двумя маленькими детьми. Взяв ее руку в свою, он задержал ее на какую-то долю се-

кунды, его лицо осветила мягкая улыбка. Она же, поцеловав кончик указательного пальца, затянутого в темно-зеленую перчатку, приложила его к губам капитана, глаза ее наполнились слезами. «В какой-нибудь другой жизни», – прошептали губы Артура Рострона, а, может быть, Биссету это только показалось. Молодая женщина достала из кармана маленький конвертик, быстро вложила его в карман сюртука капитана и, не оглядываясь, сбежала вниз по сходням, увлекая за собой детей.

Как только первые из потерпевших кораблекрушение появились на причале, тут же началась какофония возгласов, вспышек магнония, воплей и выкриков. Вопли достигли апогея, когда, в сопровождении служанки, появилась леди Мадэлен Астор. Толпа репортеров, прорвав полицейский кордон, как стая налетевших вампиров, плотно обступила свои жертвы. Но защитить их капитан Рострон уже не мог. Его юрисдикция кончалась у этого самого трапа.

Не успел поток пассажиров у сходней иссякнуть, как на «Карпатию» немедленно поднялись высокопоставленные лица самого разного ранга и калибра: менеджеры «Кьюнарда» и «Белой звезды» Чарльз Самнер и Филип Франклин, «сам» Гульелмо Маркони и, самое главное, сенатор от штата Мичиган Уильям Алден Смит, только что назначенный председателем сенатской комиссии США по расследованию гибели «Титаника». Его сопровождал член комиссии сенатор от штата Невада Фрэнсис Ньюлендс. Вместе с официаль-

ными лицами на борт поднялись несколько клерков.

Джейсму Биссету, которого Артур Рострон попросил помочь ему в приеме гостей, показалось, что капитан ожидал кого-то еще.

Гульелмо Маркони тут же исчез в комнате радистов.

Франклин, Смит и Ньюлендс, в сопровождении капитана Рострона, немедленно проследовали в каюту доктора Мак-Ги, где вручили повестку на заседание сенатской комиссии Брюсу Исмею. Заседание должно было состояться на следующий день, в пятницу, 19-го Апреля в 10 часов утра в отеле Уолдорф-Астория, принадлежавшем, по прискорбному совпадению, семье погибшего лорда Астора. Один из клерков принес исполнителю директору «Белой звезды» чемодан с одеждой.

Сидевшему за столиком, все еще одетому в пижаму, Брюсу Исмею было сказано без обиняков, что ему не разрешается покидать пределы США. Аналогичная повестка была, как оказалось, передана капитану «Калифорнийца» Стэнли Лорду, обвиняемому в неоказании помощи тонущему кораблю.

У Исмея был затравленный вид. Сенатор Смит смотрел сквозь него с холодным презрением, недавний подчиненный Филип Франклин отводил взгляд, и лишь в глазах капитана Рострона увидел он сочувствие и сострадание. Перед тем, как выйти, Рострон успел легонько взять повергнутого магната за плечо и шепнуть «все будет хорошо!» Но большего

он сказать не мог.

Чарльз Самнер, в это же самое время, проводил инструктаж офицеров «Карпатии» по срочному комплектованию корабля для подготовки к завтрашнему рейсу. Узнав об этом, сенатор Смит удивленно воскликнул:

– Но мы ожидаем свидетельских показаний капитана Рострона на завтрашнем заседании комиссии!

– А в чем проблема? – возразил Самнер. – Разве вы не можете дать показания утром, и отплыть в четыре часа пополудни? – повернулся он к Рострону.

Джеймс Биссет чуть не поперхнулся от негодования! Даже сенатор Смит казался удивленным.

– Разве вашему капитану не нужен отдых? – почти что с возмущением спросил он Самнера. – Ему ведь предстоит всю ночь готовить корабль к рейсу, а утром еще явиться на такое ответственное заседание. И это после всего, что ему пришлось пережить!

«Если бы ты только знал!» – подумал Биссет.

– Вы ведь можете его заменить на один рейс! – не унимался сенатор.

– Нет, не можем! – твердо и упрямо ответил Самнер. – Билеты на «Карпатию» распроданы на несколько месяцев вперед. Все круизы вплоть до Рождества забронированы полностью – первый, второй и третий классы! Мне сказали, что на черном рынке билеты продают по цене, в десять раз превышающей номинальную. И все только ради того, чтобы плыть

вместе с капитаном Артуром Ростроном. – и он покровительственно похлопал Рострона по плечу. – Разве что вы и ему запретите покидать пределы Соединенных Штатов! – язвительно добавил Самнер.

Укол был замечен. Власти США только что почти что арестовали двух граждан Британской Империи.

– Джентльмены, джентльмены! – поспешил вмешаться Артур Рострон. – Для меня не составит труда дать показания в сенатской комиссии завтра утром и отплыть в четыре часа дня, – мягко сказал он, обращаясь к сенатору Смигу. – Два часа сна, это все, что мне требуется.

Сенатор Смит посмотрел на Капитана Рострона. Ему не нравились люди, трусливо отводящие взгляд, избегающие ответственности, не берущие на себя смелость принятия решений. Этот худощавый, смотревший прямо в глаза собеседнику человек словно был выплавлен из какого-то устойчивого, нестигаемого, огнеупорного металла самой высшей пробы. Герой, не подозревающий о своем героизме. И сенатор Смит с уважением и даже почтением пожал ему руку:

– Ждем вас завтра утром в Астории, капитан Рострон! От имени сената Соединенных Штатов Америки позвольте поблагодарить вас за ваше согласие принять участие в заседании сенатской комиссии и за все, что вы сделали для спасения жертв кораблекрушения.

Когда официальные лица и сильные мира сего, наконец-то, покинули «Карпатию», а утомленные офицеры разо-

шлись по своим каютам хоть на пару часов, перед тем, как начать подготовку к завтрашнему рейсу, на борт корабля, почти что незамеченным, прошел высокий представительный господин средних лет с солидной тростью в руках, в котелке и демисезонном пальто. В нем, при желании, можно было узнать мистера Джеймса Джозефа Брауна, американского мультимиллионера и одного из столпов светского общества США. Его сопровождал пожилой, серебробородый, немного сутулый джентльмен в старомодном, но дорогом пальто и цилиндре.

Оба джентльмена были встречены капитаном Артуром Ростроном у самого трапа, и все трое проследовали в одну из кают первого класса. Через пару часов, ближе к полуночи, мистер и миссис Браун, в сопровождении пожилого господина, спустились с борта «Карпатии». В руках у пожилого господина была темно-бордовая кожаная папка. Около причала их поджидал черного цвета «Паккард».

Мистер Браун и пожилой господин обменялись с капитаном Ростроном рукопожатиями. Миссис Браун крепко его обняла и расцеловала в обе щеки.

Оставшись один, Рострон прошел на корму: подальше от суетных огней большого города, от толпы и мишуры, поближе к океану, к морю, которое всегда вселяло в его сердце надежду, силу, уверенность в себе. К морю, которое двадцать семь лет тому назад открыло ему путь к Провидению. Приподняв фуражку, Артур Рострон прошептал молитву. Но эта

молитва была необычной для него. Все решения, правильные или ошибочные, были уже приняты. Он просил об умиротворении и спокойствии для тех несчастных, чьи судьбы Провидение вверило ему, Артуру. Он сделал, все, что было в его силах.

Завтра он даст показания в сенатской комиссии США, и имя капитана Артура Генри Рострона прогремит на весь мир. За проявленные при спасении потерпевших с «Титаника» пассажиров мужество, самоотверженность и профессионализм, он будет объявлен героем, получит всевозможные американские и европейские награды, в том числе и именную золотую медаль конгресса США, врученную лично президентом Тэфтом, и станет международным символом истинного морехода. Организованную им спасательную операцию назовут мастер-классом профессионализма и лидерства. Рекорд капитана Рострона – спасение 712 душ, так и останется непревзойденным в истории мореходства.

Будучи командером запаса военно-морского флота Британии, он примет участие в первой мировой войне, проявив героизм и мужество в боях при Галлиполи и в прорыве блокады континента германскими подводными лодками, будет произведен в рыцари Британской империи, станет кавалером Ордена Почетного Легиона Франции, главой военно-морского штаба резервистов короля Джорджа, коммодором Кьюнардского флота, капитаном флагманов «Мавритании» и «Беренгарии».

Провидение по-прежнему будет верить в капитана Рострона. «Не только моя рука лежала на штурвале в ту ночь» – так отзовется он позднее о своей роли в спасении пассажиров «Титаника». Когда в 1931 году коммодор Сэр Артур Генри Рострон выйдет в отставку, его биографы с удивлением обнаружат, что за двадцать четыре года его капитанства на самых разных кораблях, он ни разу не потерпел крушение, не потерял ни одного пассажира или члена команды, много раз проходил невредимым по кишасшему германскими подводными лодками морю там, где до и после него тонули военные и пассажирские корабли, был несколько раз торпедирован, но ни одна торпеда не попала в цель.

Но всего этого, поздней холодной апрельской ночью, уставший и измотанный капитан «Карпатии» конечно же не знал. Облокотившись о поручни, погруженный в мысли, он в полном одиночестве стоял на корме. На «Карпатии» было необычно тихо после водоворота всех недавних событий. Что-то принесет грядущий день?

Внезапно Артур нащупал в кармане небольшой конвертик, в котором лежал сложенный в четыре раза листок бумаги. Конвертик не был запечатан. Что же в нем? Ее имя? Адрес? Признание? Или просто слова благодарности? Артур Рострон два раза нежно провел по конвертику пальцем и, не раскрывая, быстрым движением разорвал его на мелкие кусочки. Грустными снежинками, кружась, они медленно полетели в темную воду за бортом.

В этой жизни могла быть только одна Минни.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Адвокатской конторе

Стетсон, Дженнингс и Расселл

15 Брод стрит, Манхеттен, Нью-Йорк

Дорогой сэр!

Довожу до вашего сведения, что в нашем распоряжении оказались документы, представляющие для одного из ваших основных клиентов большой интерес, и касающиеся известных событий недельной давности.

Они представляют собой заверенные подписями свидетельские показания нескольких лиц. Эти показания, в случае их разглашения, вызовут огромный юридический и общественный резонанс и шок по обе стороны Атлантики с самыми неожиданными и непредсказуемыми для вашего клиента последствиями.

Смею вас заверить, что в наши планы не входит предание огласке этих документов в течение 200 лет от даты написания этого письма. Документы будут храниться в одном из сорока трех филиалов нашей конторы вплоть до 19 апреля 2112 года.

Нами было получено указание сообщить вам, что единственным нарушением условий этого договора будет преж-

девременный, неестественный или случившийся при странных обстоятельствах уход из жизни лиц, список которых прилагается.

Остаюсь преданный вам

Айзедор Блюменталь,

Главный поверенный адвокатской конторы Зонненшайн

Нат и Розенталь,

Чикаго, Иллинойс.

19 апреля, 1912 года